

Буало-Нарсежак

ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА С КИНЖАЛОМ

Дорогие друзья!

Издательство «Коллекция «Совершенно секретно» представляет вам новый цикл детских детективных повестей. Его авторы — Пьер Буало и Тома Нарсежак — известные французские писатели, признанные мастера современного детектива. Кроме многочисленных романов для взрослых, они пишут и детские детективы, герой которых — пятнадцатилетний Франсуа Робьон по прозвищу Без Козыря — не мыслит своей жизни без тайн и приключений и нередко оказывается на высоте там, где взрослые бессильны.

Предлагаем вашему вниманию первую книгу цикла о приключениях Без Козыря.

Дет. лит.

84(4ФРА)
Б.90

Буало-Нарсежак

ТАЙНА
ЧЕЛОВЕКА
С КИМЖАЛОМ

25 185 - 164

Централизованная
библиотечная система
ИЗ ЦАО г. Москва

к

КОЛЛЕКЦИЯ
"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО"
МОСКВА 1995

Б 90
ББК 84.4 Фр.

Перевод с французского Ю. Гайдуковой

Художник Д. Тоом

Буало-Нарсежак.

Б 90 Тайна человека с кинжалом: Пер. с фр.— М.:
Коллекция «Совершенно секретно», 1995.—256 с.,
ил.— (Детский детектив).

Издательство «Коллекция «Совершенно секретно» продолжает серию «Детский детектив» изданием нового цикла повестей Буало-Нарсежака о приключениях Франсуа Робьона по прозвищу Без Козыря.

В этой книге Без Козыря разгадывает тайну рыцарской лошади, которую слышно, но не видно, и вступает в единоборство с ожившим портретом зловещего человека с кинжалом...

Б 4320001123—023 без объявл.
4М9(03)—95

ББК-84.4 Фр.

ISBN 5-89048-127-8

- © Гайдукова Ю., 1995 г., перевод.
- © Тоом Д., 1995 г., оформление.
- © ТОО «Коллекция «Совершенно секретно», 1995 г., составление.

ТАЙНА ЛОШАДИ ПРИЗРАКА

ПУТЕШЕСТВИЕ

— Франсуа, обрати внимание, как устроен этот чемодан. Книги не надо укладывать на рубашки, их можно положить вот сюда. Дай-ка мне носки... Куда ты их засунул?.. Франсуа, ты меня слышишь?

— Да, мама.

— Где твои носки?

— Какие носки?

— Послушай, Франсуа, если ты будешь продолжать в том же духе, придется тебе самому укладывать вещи. Бедные Жауаны! Мне их заранее жалко. Они с тобой еще намучаются!

— Но, мама, я буду им помогать.

— Представляю себе... Не забудь шарф.

— Но, мама...

— Франсуа, возьми шарф. В апреле на побережье прохладно... Так, вроде все уложено. Я знаю Маргариту, она захочет сама разобрать твои вещи, и я не желаю, чтобы мне было за тебя стыдно.

Франсуа вздыхал, слушая мать. Разве он виноват, что не умеет держать вещи в порядке? Просто

они его недолюбливают и вечно исчезают оттуда, куда он их положил. Начинается это обычно утром, как только он встает. «Мама, ты не видела мою зубную щетку?» Искать бесполезно, хотя он уверен, что повесил ее вчера вечером рядом со всеми остальными. А его левый ботинок? Куда он мог его задевать? Скорее всего, этот чертов ботинок прячется специально...

— Франсуа, поспеши, — говорит мама, — ты опаздываешь.

— Уже иду.

На одной ножке Франсуа скачет в гостиную. А поскольку времени в обрез, в поиск ботинка включается вся семья. Мсье Робьон сердится, и у Франсуа тут же портится настроение.

В лице обычно происходит то же самое.

— Робьон, где ваше домашнее задание?

— Только что было, господин учитель...

Тетрадь исчезла. Как морские животные микрируют под цвет песка или скалы, так и нужная тетрадь вдруг превращается в тетрадь по математике или французскому, которая как раз совершенно не нужна. Как-то раз учитель Франсуа произнес длинную речь о том, что такое порядок, закончив ее словами: «Порядок — это ваш главный козырь в жизни!»

И Франсуа тотчас же получил прозвище «Без Козыря». Кличка ему понравилась. Прежде всего, она означала, что с него взятки гладки. Ну не умеешь ты поддерживать порядок, и все тут. Ничего не поделаешь, не стоит и стараться.

У этого прозвища есть и другой смысл. Карточный игрок, имея на руках туз и другие козырные карты, уверен в выигрыше. Но вдруг кто-то объявляет: «Без козыря!» — и он пропал! Франсуа был очень сообразителен и опережал большинство своих одноклассников. В пятнадцать лет он без

труда усвоил программу выпускного класса. Поэтому товарищи, называя его Без Козыря, как бы свидетельствовали свое уважение. Вот только дома его все еще считали ребенком и даже иногда называли малышом!

— Франсуа, наклейте на чемодан этикетку.

— Мама, но я же повезу его с собой!

— Вот именно.

Спорить бесполезно! Они его не понимают. Впрочем, настроение у него было отличное — ведь впереди каникулы. Так что Без Козыря, махнув рукой, наклеил целых две этикетки: «Франсуа Робьон. Поместье Кермол. Портсал. Финистер».

Надо бы еще добавить: «У господина Жауана». Хотя нет, Жауаны ведь только смотрители. Кто не знает, что поместье Кермол принадлежит знаменитому мэтру Робьону, адвокату суда присяжных!

Да, но долго ли оно еще будет ему принадлежать? Бедный старый Кермол! Его остроконечные башни, черепичные крыши, сторожевые вышки — все это так чудесно выглядит на фоне заходящего солнца, в ранних сумерках, когда волны прилива подкатываются к самому основанию стен. В огромных залах замка и на его дорожках можно было бы снимать исторические фильмы.

Когда мэтр Робьон объявил о своем решении продать замок, Франсуа даже подскочил.

— Папа, ты что!..

К несчастью, цифры были убедительнее, чем голос сердца. Содержание замка стоило огромных денег. Северная башня оказалась на грани разрушения. А зачем восстанавливать стены, если нет средств достойно меблировать комнаты, разграбленные во время войны? Стоило ли во что бы то ни стало сохранять за собой этот разрушающийся на глазах замок только ради того, чтобы приез-

жать туда на несколько дней в году? Конечно, нет. Кермол могла бы купить за хорошую цену какая-нибудь фирма и устроить там, например, дом отдыха.

Конечно, это было нелегкое решение. «Франсуа, ты что, плачешь?» Франсуа сдержал слезы, но две недели ходил как потерянный.

Он написал длинное письмо своему другу Жан-Марку, племяннику Жауанов, которого они усыновили. Франсуа писал: «Устрой так, чтобы твои родители не уговаривали покупателей купить поместье. Это нетрудно сделать. Можно, например, показывать им самые разрушенные места замка и твердить при этом, как трудно сейчас найти рабочие руки. В общем, ты сам придумаешь, как надо действовать. Куда вы денетесь, если замок будет продан?»

И так шесть страниц советов, а потом Франсуа порвал письмо. «Положимся на Господа», как говорил дядюшка Жауан. Франсуа поклялся, что, когда вырастет, выкупит замок своего детства.

А пока надо радоваться предстоящему путешествию! Поездка на поезде, с обедом в вагоне-ресторане,— это его первое настоящее путешествие! Обычно он ездил с родителями на машине, и это было довольно скучно. А здесь—длинный блестящий поезд, мягкое покачивание вагонов, метрдотель, который наклоняется к тебе и спрашивает: «Не желаете ли кофе?» Ах, это действительно чудесно! А если Франсуа вдруг что-то забудет, например свои ужасные таблетки, которые надо глотать за полчаса до еды, никто не сделает ему замечание. Официант догонит его, незаметно вложит в руку тюбик с лекарством, да еще и извинится. Вот это жизнь! Только бы мама не проследилась, выйдя из вагона, или не заставила бы повторить длинный перечень того, что он должен сде-

лать! Можно подумать, он отправляется на Луну... Ну сколько можно повторять одно и то же? «Не забывай писать, мы будем волноваться!»

— Мама, от Парижа до Бреста всего пятьсот девяносто километров. Точнее, пятьсот девяносто один.

— И все-таки я буду беспокоиться.

Вот папа — совсем другое дело. Крепкое мужское рукопожатие, билет на стол, пара купюр рядом. Денег могло бы быть и побольше; отец все-таки не совсем еще ему доверяет.

— Развлекайся. Как только я освобожусь, мы приедем. Скорее всего, к концу недели.

И адвокат уехал во Дворец правосудия. Там он много говорит, а вот дома его почти не слышно. Вообще-то он мировой парень. Даже в газетах иногда появляются его фотографии!

— Мама, тебе не кажется, что уже пора на вокзал?

Но она, обычно такая решительная, почему-то тянет время.

— Если будут пробки, мама, мы опоздаем.

Прекрасный аргумент. Последние сомнения отброшены, и вот они уже в пути. Но настоящее путешествие начнется только на вокзале — огромном вокзале Монпарнас, над которым возвышаются величественные здания. Франсуа выглядывает из окна, чтобы получше их разглядеть, пока их «ситроен» осторожно пробирается вперед в потоке машин. Какие же высокие эти дома! У Франсуа даже дух перехватывает. Ах, если бы он умел водить машину, они давно бы уже были на месте!

— Мама, знаешь что? Высади меня здесь. Во-первых, ты не найдешь места на стоянке, а во-вторых, раз я еду один, мне уже надо привыкать к самостоятельности.

Мадам Робьон пожимает плечами. К счастью,

в этот момент большой «бьюик» освобождает место, и мама аккуратно ставит свой «ситроен». Она пытается завладеть чемоданом, но Франсуа отнимает его и несет сам. Ведь он поедет в поезде один! Мальчик идет быстрым шагом, радостно вдыхая воздух, который тоже пахнет как-то по-другому. Время от времени из репродуктора раздается звуковой сигнал, нежный голосок объявляет: «Поезд до Нанта...» или «Поезд до Кимпера...» — и сразу чувствуется, что Бретань где-то там, в конце этих рельсов, в глубине дождливого неба. «Я еду в Кермол,— думает Франсуа,— я уже еду».

Но в последний момент нервы у него не выдерживают. Он волнуется. Возможно, это просто вокзальная суета... Мама, всегда такая ласковая, теперь вынуждена сама подтолкнуть его к вагону.

— Иди, малыш, не дури. Я ухожу.

Она отходит на несколько шагов.

— Привет Жауанам.

Взмах рукой, жалкая улыбка, и вот она уже растворилась в толпе.

Франсуа остается совсем один, растерянный, несчастный... Когда мамы нет рядом, сразу чувствуешь себя одиноким.

К счастью, в этот момент поезд трогается, начинает набирать скорость, и Франсуа постепенно забывает дом, родителей, все, что осталось позади. Он осматривается, важно шагает по коридору... Он очень взволнован. Читать сейчас невозможно.

Мальчик настолько возбужден, что думает сразу о многом: вот он в лодке дядюшки Жауана, а вот едет в грузовичке Жан-Марка, а теперь обследует таинственные чердаки Кермола...

Нет, продать Кермол невозможно! Этот замок принадлежал нескольким поколениям семьи Робьонов. В конце прошлого века один из предков

Франсуа очень дешево купил замок вместе с окружающей его долиной. Это настоящая сказочная долина из легенды — со скалами, утесами, ветрами и безбрежным морем.

Как описать, что такое Кермол? Это что-то почти нереальное, как замок из сказки. Франсуа вспоминает рисунки Виктора Гюго... Кермол похож на них. На нем лежит налет мечтательной грусти, как будто даже камни на берегу бурных вод замерли в печальной задумчивости...

В раннем детстве Франсуа боялся ложиться спать. Он уже прочитал приключенческих романов и по вечерам, представляя себе тайные переходы, замаскированные лестницы и подземелья, с дрожью прислушивался к ночным шумам. Неужели всего через несколько часов он снова услышит эти звуки? Это будет приятно, но в то же время немножко грустно, потому что он уже не тот мечтательный мальчик. Сейчас он уже готовится к сдаче экзаменов и в свободное время пишет стихи. Все, с Арсеном Люпенем и Шерлоком Холмсом покончено! А жаль...

Гонг извещает пассажиров, что настало время обеда. Франсуа вздрагивает. Вагон-ресторан просто великолепен! Дрожат стаканы, раскачиваются бутылки, с грохотом проносятся мимо станции. Франсуа пролил соус на новые брюки и краснеет, пытаясь оттереть пятно. Ну конечно, как всегда, рассеян и нескладен! Но Маргарита, разумеется, сумеет поправить эту беду. И Франсуа утешает себя порцией мороженого. Правда, мороженого ему нельзя — из-за печени; но к черту печень!

В завершение обеда — большая чашка кофе и даже... сигарета. Это мир взрослых людей, людей дела. Вон они беседуют за столиками, согревая в руках бокалы с коньяком. Может быть, среди них

сидит и тот торговец недвижимостью, который захочет купить Кермол? Франсуа приглядывается к соседям. Нет, он, конечно, понимает, что это не серьезно. Кому этот Кермол нужен? К счастью, эти развалины совершенно невозможно продать. К тому же Жан-Марк достаточно хитер и сумеет удержать возможных покупателей на расстоянии.

Франсуа возвращается в купе, собираясь поспать. Скорый поезд с ворчанием проскакивает очередную станцию. Франсуа вспоминает своего друга Жан-Марка. Длинный, худой мальчик с серо-голубыми глазами, как у большинства жителей Северной Бретани, медлительный, скрытный, со сложным характером, он все же идеальный товарищ во всех играх и к тому же знает побережье как свои пять пальцев. Он ловок, и руки у него золотые. Жан-Марк посещает школу механики в Бресте и собирается специализироваться на электронике. Франсуа в этом мало что понимает. В лицее его считают более склонным к гуманитарным наукам. Франсуа хочет стать адвокатом; он считает, что это лучшая профессия на свете. Но, конечно, электроника — это тоже важно, с ее помощью можно достичь многого: открывать, например, на расстоянии двери гаража, управлять в космосе полетом астронавта... Франсуа восхищается Жан-Марком, который старше его на три года. Вообще-то они как братья. Жан-Марк — это Кермол. Жауаны и Кермол — одно целое. Между замком и этой семьей царит глубокое согласие. Может быть, это потому, что современная цивилизация кончается в Бресте. Портсал — это уже прошлый век, а Кермол — и вообще средневековье. А душа Кермола — это старушка Маргарита с ее бретонской прической: словно птица машет крыльями.

Франсуа засыпает с улыбкой на губах. Здравствуйте, Жауаны! Мы скоро увидимся, и может быть — хотя на это и мало надежды, — не в последний раз!

КЕРМОЛ

Уже Брест? Быть не может! Франсуа сердится на себя, что проспал: ну разве не глупо — упустить лучшую часть путешествия! Сколько пейзажей, которые он хотел посмотреть: виадук Морле, собор Гимильо со своей колокольней, устье реки Элорн! Ну что ж, сам виноват! Франсуа берет чемодан и идет к выходу. Он вдыхает морской воздух, который течет прямо из-за далекого горизонта, неся с собой влажный аромат прилива. Сейчас Франсуа увидит прекрасный Кермол!

А Жан-Марк уже ждет его. Руки в карманах куртки, баскский берет надвинут на глаза... милый Жан-Марк!

— Эй, Без Козыря! Я тебя чуть было не пропустил! У меня карбюратор барахлит...

Они обнимаются, похлопывая друг друга по спине, и отправляются к знаменитому грузовичку, который Жан-Марк купил по случаю где-то с месяц назад. Машина ободранная, помятая, но она все равно великолепна! Ведь она будет им верной спутницей во время прогулок.

— Она вообще-то неплохо бегаёт, — объясняет Жан-Марк, — при условии, конечно, что у тебя всегда под рукой сумка с инструментом.

По пути в Портсал они беседуют о машинах. Жан-Марк так много говорит, что Франсуа даже пугается, не стал ли он болтуном. Ведь раньше из него, бывало, слова не вытянешь.

— У вас все в порядке? — спрашивает Франсуа.

— Да, все нормально. Отец, правда, немного сдал. Рыбы стало меньше — все туристы вылавливают.

— А как Кермол?

В ответ молчание. Может быть, что-то случилось?

— Кермол? — отзывается наконец Жан-Марк.— Да вроде все как всегда. На северной башне ветром снесло зубцы.

— Это ничего. А покупатели были?

— Были, несколько человек, но они устают, не успев осмотреть замок до конца. Они почему-то думают, что это маленькая усадьба, и потом только понимают, что Кермол — огромное поместье.

— Тем лучше.

— Правда, один от нас все никак не отцепится...

— Да?

— Коммерсант из Ренна. Он, понимаешь, хочет все снести и продавать землю частями.

— Вот черт!

— Но, кажется, его не устраивает цена. Он приходил уже дважды, и это меня беспокоит.

Вот, оказывается, что волнует Жан-Марка. И Франсуа его вполне понимает...

Жан-Марк замолкает, но машину он ведет неровно — видно, что нервничает.

Наступает вечер. В Портсале зажигаются огни.

— Ну, а ты-то как? — снова спрашивает Франсуа.— Как твоя учеба?

— В порядке.

Храбрый малыш грузовичок выбирается на берег. Слева уже видно море, а дальше — долина, очень таинственная в сумерках. И вдруг впереди возникает ограда Кермола.

У Франсуа, как всегда, при виде ее замирает сердце. С каждой новой встречей замок кажется

ему все более величественным. По мере того как дорога огибает замок, становятся видны остроконечные крыши, башни, решетки... Вот северное крыло, а вот окно комнаты Франсуа. Плющ еще больше разросся. Он ползет все выше и выше, прямо к дозорной площадке наверху. Постепенно открывается западный фасад. По угловой башне бежит узкая трещина, словно царапина по щеке.

— Это все новогодняя пурга, — объясняет Жан-Марк, — но это не так страшно. Для хорошего каменщика дня два работы.

Последний поворот руля, и машина въезжает во двор. Услышав шум двигателя, навстречу мальчикам выбегают Жауаны.

— Как ты вырос! — восклицает Маргарита.

Начинаются троекратные поцелуи, как это при-

нято у хороших друзей, а потом — бесконечные вопросы. «Да, все здоровы. Папа очень занят. Приедут, как только смогут. Да, я немного проголодался...»

И пока Жан-Марк ставит машину под навес, все остальные направляются в зал, где их уже ждет накрытый стол. На нем фаянс из Кимпера и букет полевых цветов. В камине горит огонь. Франсуа расслабляется. Как хорошо в Кермоле! И какие чудесные люди эти Жауаны! Он — плечистый, сильный, несмотря на возраст, с обветренным лицом, трубкой в зубах, быстрым взглядом из-под подергивающихся век; она — нежная, заботливая, всегда готовая накормить, вылечить, прибраться...

Сегодня, однако, они немного сдержаннее, чем обычно. А после обеда Жауаны совсем притихли. Разговор так бы и заглох, если бы Франсуа не начал рассказывать о парижской жизни.

— Ты все запер? — спросила вдруг Маргарита у Жан-Марка.

— Зачем это? — удивился Без Козыря. — У нас ведь нет ничего ценного.

Жауаны почему-то переглянулись, а потом снова попытались придать своим лицам беззаботное выражение.

— Это верно, воровать у нас нечего, кроме кур и кроликов, — сказал дядюшка Жауан. — Послушай, сынок, попробуй-ка ты лучше моего сидра. В Париже такого не найдешь...

Но Франсуа не так-то легко провести! Он предпочитает говорить начистоту — и поэтому сразу начинает разговор о продаже замка. Жауаны качают головами. Конечно, им будет очень тяжело, если придется устраиваться где-то на новом месте. Они слишком стары, чтобы переезжать. И кроме того, они не хотят никаких других хозяев. Они

очень надеются, что продажа не состоится. Это была бы для них настоящая катастрофа.

Франсуа прислушивается к их словам, стараясь уловить, о чем же они умалчивают. Но нет, кажется, Жауаны просты и искренни, как всегда.

И в то же время в их речах чувствуется некая недоговоренность, будто какая-то часть их находится в другом месте.

— Знаешь,— говорит вдруг Маргарита,— мы думаем, будет лучше, если ты до приезда родителей будешь спать поближе к нам.

— Ни за что!— протестует Франсуа.— Я так люблю свою комнату!

— Да, но ты будешь совсем один... в другом конце замка...

— Никто меня не украдет,— усмехается Франсуа.— И я не боюсь темноты. Я буду спать у себя. Электричество работает?

— Да,— кивает Жауан,— я все проверил.

— Вот и хорошо! Честно говоря, меня уже клонит ко сну.

Жауаны обмениваются несколькими фразами на бретонском наречии. Это что-то новое! Раньше они избегали при Робьонах говорить между собой по-бретонски. Что такое с ними сегодня вечером? Они явно встревожены, даже забывают ему переводить... А Маргарита зачем-то готовит маленькую медную лампу, какие раньше называли «голубь».

— Если случится авария со светом, у тебя, по крайней мере, будет ночник.

Ночник! Вот оно что! Значит, они озабочены, чтобы Франсуа не стало страшно.

— Жан-Марк тебя проводит, сынок,— говорит Жауан.

— Думаете, я заблужусь? — смеется Франсуа.

— Он отнесет твой чемодан, ведь ты устал с дороги.

Пора пожелать друг другу спокойной ночи. Жауаны всегда немного стесняются этого. Но Маргарита все же целует Франсуа в лоб.

— Постарайся хорошо выспаться. Все-таки, если бы ты был поближе к нам, мне было бы спокойнее.

Жауан пожимает Франсуа руку, и мальчики уходят. Жан-Марк идет впереди с чемоданом, а Франсуа следует за ним с «голубем» в руках. Они проходят главный корпус. В огромных пустых залах гулко отдаются их шаги. Вот мальчики уже в северном крыле. Маленькая винтовая лестница — и Жан-Марк уже открывает разбухшую от влажности дверь.

— Вот ты и у себя!

Он бросает чемодан на середину кровати, огромной кровати под балдахином, какие теперь можно увидеть только в музеях. Затем делает вид, что его что-то крайне заинтересовало на туалетном столике. Заметно, что Жан-Марк просто хочет что-то сказать, но никак не может начать.

— Франсуа, ты только не смейся...

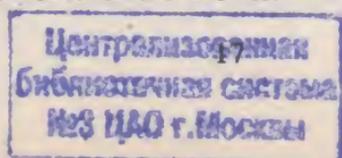
— Давай, старик, смелее.

— Ты, наверное, подумаешь, что мы сошли с ума...

— Да что же случилось в конце концов? То-то я смотрю, вы какие-то странные!

Жан-Марк подходит к окну.

— Франсуа, можешь мне не верить... Может быть, у нас просто галлюцинации. Пойди-ка сюда. В полночь загляни в эту щель и прислушайся. Только не шуми, не зажигай свет, а главное — не открывай окно. Это не опасно; единственное, что от тебя требуется, — слушать. Хотя я бы все на свете отдал, чтобы ты ничего не услышал! Ты представить себе не можешь... В общем, в полночь. Запомнил? Спокойной ночи.

25 185 - /

ЛОШАДЬ-ПРИЗРАК

Франсуа и правда давно уже не боялся темноты. Но сейчас, оставшись один, он чувствовал себя беспокойно и без конца вспоминал странное поведение Жауанов и особенно загадочные слова Жан-Марка. Что происходит в замке в полночь? Впервые в своей жизни Франсуа с наступлением ночи подумал о том, куда бежать в случае чего. Он старался прогнать эти трусливые мысли, но одно было ясно: вряд ли он сможет сегодня уснуть.

Размышляя, мальчик раскладывал свои вещи по полкам старинного бретонского шкафа. Нет, Жауаны вряд ли стали бы пугать его без причины. Что же они видели такого странного? Жан-Марк говорил о галлюцинациях. Но ведь галлюцинация — это когда видишь что-то, чего на самом деле нет? Непонятно. Надо подумать...

Франсуа тихонько прикрыл дверцу шкафа; она скрипнула, как может скрипеть только очень старая мебель. Пол в комнате тоже поскрипывал, кровать застонала, когда мальчик на нее уселся. Все эти шумы еще прибавляли беспокойства, и у Франсуа вдруг появилось ощущение, что он в комнате не один. Хотя он ни за что бы в этом не признался, его тревога постепенно переходила в страх, и мальчик мало-помалу терял самообладание.

Уж не поселилось ли в замке привидение? Ничего себе! Франсуа облазил все углы Кермола и никогда не встречал никаких привидений. Уж если они и водятся в каком-нибудь замке, то вся округа об этом знает. Жауаны не стали бы этого скрывать, да и другие тоже. Но до сих пор никто и не заикался ни о каких призраках.

Франсуа стало холодно. Маргарита приготовила дрова, но сама зажигать огонь не стала, надеясь,

что Франсуа ляжет спать в комнате, смежной со спальней Жан-Марка. Зачем такая осторожность? Франсуа поджег бумагу, и огонь быстро разгорелся. Было почти десять часов. Еще два часа ждаты! Франсуа надел халат, подтащил к камину старинное кресло и уселся, глядя на огонь. Он всегда доверял Кермолу, этот замок был для него как домашнее животное. Кто бы мог подумать, что Кермол захочет его укусить! А сейчас дом угрожал ему — угрожал своим молчанием, темнотой, всей этой странной атмосферой...

Камин дымил. Франсуа открыл окно и заодно бросил взгляд в щель между ставнями. Одна ставня была немного поломана, и в дырочку можно было видеть довольно большую часть долины с едва заметной тропинкой, которая вилась между скалами и порослью утесника. Ничто не двигалось. Старинные башни отбрасывали длинные тени в лунном свете. Море было совсем рядом, оно тяжело плескалось, и было слышно, как волны скользят по песку.

В полночь прибой утихнет, и станет виден широкий песчаный берег, полный луж, в которых весной заводятся крабы и креветки.

Но сейчас Франсуа было не до крабов. Он снова сел и протянул руки к камину. Тепло немного успокоило его нервы, но он продолжал размышлять, действуя своим любимым методом исключения. Если отбросить вариант присутствия привидения, то что же остается? Может быть, в замке кто-то прячется? Например, сбежавший заключенный? Маловероятно. Контрабандисты? Это тоже нереально: Жауаны тотчас же сообщили бы жандармам.

Франсуа решил порыться в истории Кермола. Его отец не раз советовал ему прочесть книгу аббата Флоика, но Франсуа никогда особенно не ин-

тересовался прошлым замка. Как и все местные жители, мальчик знал, что замок был построен в конце XII века, что он пережил множество войн, что в нем не раз укрывались беженцы. Но Кермол исторический был куда скучнее, чем нынешний, любимый Кермол — чудесное место для игр в прятки и беготни по длинным гулким коридорам. А вот теперь настало время узнать как можно больше и о замке, и о тех, кто в нем жил.

Одиннадцать часов... Франсуа хотел спать, но не мог заставить себя даже прилечь. Он снова подошел к окну. Тени башен стали короче. Луна скоро поднимется прямо над замком, наполнит собою пространство, обволакивая дымкой очертания предметов и усиливая эхо. Где-то кричит сова. Кого она зовет?

Франсуа подкинул дров в огонь и погасил люстру. Огонь камина достаточно хорошо освещал комнату, и не стоило привлекать ярким светом незваных гостей. Надо быть осторожнее: ведь Жан-Марк советовал ему слушать и смотреть, не обнаруживая себя.

Половина двенадцатого... Франсуа захотелось подвигаться. Не сходить ли к Жауанам? Нет, у него не хватит духу снова пройти по пустым залам первого этажа. К тому же уже поздно. И кроме того, он непременно должен увидеть то, что произойдет. У Франсуа были часы со светящимся циферблатом — подарок его деда. Он взглянул на стрелки. Без десяти двенадцать!

Терпение его было на исходе. Франсуа устроился в углу подоконника и поднял воротник халата: ветер, бьющий в ставни, становился все холоднее.

С моря доносился неясный шум. Время от времени за спиной у Франсуа трещало в камине горящее полено.

Это «что-то» придет по дороге или выйдет из замка?

Полночь! И ничего... Может быть, Жан-Марк ошибся? Франсуа ничего не видел и не слышал. Тени башен уже добрались до основания стен; равнина залита волшебным светом луны... Но что это? Франсуа насторожился, прижавшись лбом к ставне. Что это за шум? Нет, ничего особенного, это просто лошадь проходит за изгородью. В данную минуту, судя по стуку копыт, лошадь идет рысью. Она приближается справа и скоро должна показаться из-за забора.

Франсуа еще сильнее прижался к щели, тараща глаза, чтобы лучше видеть. Лошадь приближалась, цокот копыт стал громче; время от времени она тихонько фыркала, отгоняя мух. Франсуа понял, что она уже на территории замка.

Но как она проникла сюда? Ворота заперты, изгородь — высотой в два метра, и проходов в ней нет... Лошадь шла спокойным шагом; судя по звуку, на одной ноге подкова была плохо укреплена. Животное все приближалось к главному двору. Сейчас Франсуа его увидит! Вот лошадь останавливается, трясет головой, слышен легкий звон цепочки... Значит, на ней сбруя? А значит, и удила? Следовательно, и всадник? Но Франсуа не видит ни лошади, ни всадника! Вот лошадь снова пошла вскачь — значит, всадник ее пришпорил?

Никогда Франсуа не было так холодно, хотя щеки и лоб у него пылали. Лошадь приближалась. Через несколько секунд она окажется прямо под окном. Франсуа не может больше сдерживаться. Он откидывает крючок, запирающий ставни, медленно раздвигает их и высовывает голову. Свет луны освещает контуры скал и траву. Лошадь явно там, но взгляд Франсуа не воспринимает ее, он как бы проходит сквозь нее и сразу ловит горбатую поверхность равнины и песок, в котором поблескивают кусочки слюды. Животное, встрях-

нувшись, делает шаг в сторону, но останавливается, услышав щелканье языка. Щелканье языка?..

— Это невозможно,— сказал себе Франсуа.

Он по пояс высунулся в окно. Слышно было, как лошадь удаляется, потом снова останавливается возле угловой башни. Сердце Франсуа забило сильнее. Неужели всадник спешится? «Если я услышу, что он идет сюда, я закричу»,— подумал мальчик.

Но наступила тишина, и Франсуа смог наконец перевести дыхание. Какое-то время, показавшееся ему очень долгим, не было слышно ни звука. И вдруг лошадь начала скрести землю копытом. Значит, она по-прежнему там, прозрачная для лунного света, как медуза в морской глубине. А что делает всадник, спешился ли он? Если это средне-

вековой рыцарь, значит, он в латах? Может быть, он сейчас разглядывает Франсуа через прорези своего забрала?

Франсуа немного отступил от окна. А лошадь, видимо, развернулась и снова пошла. Она прошла под окнами, обогнула стену... Затем цокот копыт стал удаляться. Должно быть, всадник уже пересек изгородь, легкий и нематериальный, как дым. Вот он уже на дороге. Лошадь снова пошла рысью.

Франсуа продолжал прислушиваться. Наконец он закрыл ставни, захлопнул окно и без сил повалился в кресло. О сне не может быть и речи.

Да, Жауанам было отчего испугаться. Франсуа понимал, что стал свидетелем чего-то загадочного. Он не видел лошадь, но слышал ее, и это его особенно озадачивало. Происшедшее невозможно объяснить. Может быть, позвонить в Париж родителям и рассказать обо всем? Да нет: они только разволнуются и отправят его на консультацию к врачу или, еще того хуже, продадут Кермол первому встречному. Лучше пока помолчать. Может, эта загадочная история больше не повторится. Интересно, как давно это началось? Видимо, недавно, иначе Жауаны не выдержали бы и рассказали родителям. Но может ли вообще так случиться, чтобы в старом замке, построенном много веков назад, ни с того ни с сего вдруг появился призрак? Невероятно! В этой истории все было невероятным, и однако...

Утро застало Франсуа спящим в кресле у погасшего камина. Он проснулся от стука в дверь.

ЗАГАДОЧНЫЙ СЛЕД

— Бедняга,— сказал Жан-Марк.— Вижу, ты слышал. У тебя лицо как у покойника.

— Да, я слышал.

Жан-Марк присел на ручку кресла.

— Прости,— снова заговорил он,— но мы ничего не хотели говорить тебе заранее, чтобы не повлиять на твое восприятие. Надо было, чтобы ты сам убедился.

— Ты думаешь, это призрак?

— А как это еще можно объяснить?

— Да... А что думают об этом твои родители?

— Они в ужасе. Особенно мать. Ты же знаешь, в наших краях полно всяких легенд...

— И есть такие, в которых говорилось бы о лошади-призраке?

— Нет, таких я, кажется, не слышал.

— А... о всаднике?

— Ты уверен, что там был и всадник?

— Абсолютно уверен! — воскликнул Франсуа.— Я слышал, как он щелкал языком!

— А мы ничего такого не слышали,— удивился Жан-Марк.— Хотя и были недалеко от тебя.

— Недалеко от меня? — удивился в свою очередь Франсуа.

— Да, мы устроились в комнате твоих родителей. Только с этой стороны замка можно что-то услышать. Наше крыло отсюда слишком далеко.

— Я слышал щелканье языка,— повторил Франсуа.— Это произошло прямо под моим окном. Значит, есть еще и всадник.

— Да. Собственно, это вполне естественно. То есть, я хочу сказать, если лошадью кто-то управлял, ее поведение становится более понятным.

— Когда это началось? — спросил Франсуа.

— Совсем недавно — в прошлую среду. Я заработался допоздна — заканчивал один чертеж — и перед сном вышел подышать воздухом. И тогда я услышал... Сначала я подумал, что мы оставили открытыми ворота и какая-то лошадь забрела во

двор. Я побежал посмотреть и ничего не увидел. Но цокот копыт продолжался. И тогда...— Жан-Марк почему-то смутился.— И тогда я разбудил родителей. Они вышли на улицу и тоже все слышали. Вот так это началось. И с тех пор мы каждую ночь поднимаемся наверх...

— Она приходит всегда в одно и то же время?

— Да, в полночь.

— Ты сказал,— снова заговорил Франсуа,— что впервые это произошло в среду. Но ведь это не значит, что до того дня...

Он замолчал, но Жан-Марк понял его и кивнул.

— Вполне возможно, что лошадь появлялась и раньше. Но даже если бы мы узнали, когда все началось, это бы нам ничего не дало.

— Я знаю,— вздохнул Франсуа.— Я ищу объяснение, но не нахожу его...

— И я тоже.

— Может быть, вообще ничего не было? Может, нас просто загипнотизировали или что-то в этом роде?

— Нет,— покачал головой Жан-Марк.— Одевайся. У меня есть доказательство, и я хочу тебе его продемонстрировать.

— Доказательство? — Франсуа принялся торопливо одеваться.— Какое?

— Увидишь.

Мальчики спустились вниз и вышли на улицу.

— И это доказательство окончательно сбило меня с толку,— заключил Жан-Марк.— Иди сюда.

Пройдя несколько метров, они вышли на дорогу и повернули в сторону угловой башни.

— Смотри,— проговорил Жан-Марк.

— Ого!..

Франсуа не мог оторвать глаз от следа, который четко виднелся на влажной земле. Это был

след копыта. Мальчик присел на корточки и вгляделся. Подкова ясно отпечаталась на толстом слое песка, виден был каждый гвоздик...

— Одного гвоздя не хватает,— заметил Франсуа.— Вот почему я слышал какое-то звяканье.

— Здесь она останавливалась,— сказал Жан-Марк.— Видишь, какой большой след? Я вырос в деревне и кое-что понимаю в лошадях. Животное с такими копытами должно быть огромным.

— Боевая лошадь! Лошадь для турниров! — прошептал Франсуа.

Они поднялись с колен.

— Только настоящая лошадь из плоти и крови могла оставить след, подобный этому,— проговорил Франсуа, подумав.— Но ведь лошадь, которую я слышал ночью, не могла быть настоящей! Знаешь, я просто в растерянности. Еще следы есть?

Жан-Марк показал рукой в направлении изгороди.

— Хочешь посмотреть?

Франсуа удрученно пожал плечами.

— Ты сегодня впервые их заметил?

— Нет, но в предыдущие дни следы были менее заметны. Гораздо менее. Знаешь, что я думаю?

— Пока нет.

— Да нет, это глупо...

— Ну говори же!

— Может так быть, что здесь появляются разные лошади?

— Что?!

— Мне кажется, что звуки, которые я слышу, не всегда одинаковы.

Франсуа схватился руками за голову.

— Нет, Жан-Марк, нет, прошу тебя, не говори больше ничего! Одной лошади больше чем достаточно! Подумай сам — ведь призрак лошади, да

еще проходящий сквозь запертые ворота, никак не может оставить след от копыта. Это может сделать только живая лошадь. Но живая лошадь не может пройти сквозь изгородь, и она не может быть невидимкой!.. Ты говорил родителям о следах?

— Нет, они и без того напуганы.

Франсуа решительно топнул ногой.

— Правильно! Не будем никому об этом говорить.

Они отправились обратно к замку. На пороге кухни стояла Маргарита.

— Идите завтракать!

Франсуа огляделся. Начинался день, восходящее солнце освещало древние стены, и эта чудесная картина никак не увязывалась с ночными событиями. Призрак здесь, в этом раю?! Невозможно даже подумать об этом!

Маргарита поцеловала Франсуа в лоб.

— Итак, теперь ты тоже знаешь,— прошептала она и перекрестилась.— Что скажет мсье Робьон?..

— Послушайте,— отозвался Франсуа,— вы же не виноваты, что так случилось! Ваша забота отгонять бродяг, а это...

Появился старый Жауан.

— Это я и пытаюсь ей растолковать,— сказал он.— Привидения здесь не редкость. Помню, в том году, когда я пошел в армию...

— Не обращай внимания,— прошептал Жан-Марк на ухо Франсуа.— Он во все это верит. Его единственного появление лошади-призрака несколько не удивило.

Маргарита принесла кофейник и большой кусок масла.

— У меня не было сил готовить,— пожаловалась она.— Эта история меня просто потрясла. Я так стараюсь, чтобы все было в порядке, и вдруг такое!..

— Может быть, надо предупредить приходского священника? — предложил Жауан.

— Я думаю, что лучше подождать приезда мсье Робьона, — вмешался Жан-Марк. — Франсуа тоже так считает.

Жауан медленно пил кофе.

— Мне показалось, что лошадь заблудилась... или что она что-то искала.

Франсуа не рискнул заговорить о всаднике. Жауанам и так досталось!

— Что касается меня, — вздохнула Маргарита, — то я не сплю уже четвертую ночь.

— Лошади, они как собаки, — гнул свое Жауан. — Откуда хочешь найдут дорогу домой. Кто знает, откуда возвращается эта!..

«Из крестовых походов», — чуть было не сказал Франсуа. Эта мысль ему понравилась, и он представил себе такую картину: огромная боевая лошадь, покрытая попоной с вышитыми на ней лилиями, с прикрепленным к седлу щитом, идет через горы и реки из страны неверных, неся на себе раненого, без сознания рыцаря. Это обязательно должна быть белая лошадь, лошадь цвета лунного света...

— Похоже, что в нашем замке когда-то были конюшни, — продолжал Жауан. — Это мне рассказал один турист, он прочел об этом в какой-то книге. Конюшни находились у подножия северной башни.

У подножия северной башни! Это ведь как раз то место, где лошадь остановилась!..

— Бедное животное! — причитал Жауан. — Оно помнит, где его дом, но в замке все так изменилось, что лошадь ничего не узнает. Представьте себя на ее месте!

«Я брежу, — думал Франсуа. — Еще вчера утром я отъезжал с вокзала Монпарнас, а сейчас мне

рассказывают про лошадь-призрак, которая не узнает свой дом, и я все это слушаю и даже нахожу правдоподобным! К тому же я сам слышал цокот копыт! И вот я сижу здесь и спокойно пью кофе. Человек ко всему привыкает. Если лошадь вдруг перестанет приходить по ночам, мне будет жаль. Я даже рассержусь на нее... Да очнись же, Без Козыря! Сделай же что-нибудь!»

— Я все же считаю, что не надо никому об этом рассказывать,— заговорил Жан-Марк.— Не стоит бросать тень на репутацию поместья. Во-первых, лошадь никому не причиняет вреда. Эта история очень таинственная, но ведь это еще не трагедия!

— Интересно, что случится, если встать у нее на пути? — задумался Франсуа.

— О Господи, мой мальчик! — вскричала Маргарита.— Не вздумай этого делать!

— Да уж, лучше и не пытаться,— вмешался Жауан.— Кто знает, что ей придет в голову?.. Когда она убедится, что ее стойло исчезло, она просто уйдет в другое место. Мало ли в округе поместий!

Франсуа поднялся. У него сильно кружилась голова.

— Пойду побреюсь, а потом схожу к морю.

— Не уходи далеко,— посоветовала Маргарита.

Франсуа вернулся в свою комнату. Ему хотелось как можно скорее вырваться из этой странной атмосферы, которая так быстро образовалась вокруг ночных событий. Жауаны, конечно, испуганы, но они готовы покорно свыкнуться с невозможным, как это делали их предки. И Жан-Марк с ними заодно, хотя он и изучал разные науки.

«Но только не я,— говорил себе Франсуа.— Меня не проведешь. Ночью я слышал цокот копыт, это правда. В поместье была какая-то лошадь. Но этому есть реальное объяснение, и я его найду!»

Мальчик достал электробритву — прекрасную американскую бритву, купленную на сэкономленные за полгода деньги. На подбородке у него уже появился пух, и едва пробивались усы. Встав перед зеркалом, Франсуа начал сосредоточенно водить бритвой по гладким щекам. И так, книга аббата Флоика ему не поможет. В библиотеке есть путеводитель по Бретани, и там наверняка найдется несколько строчек о Кермоле. Франсуа быстро собрался, натянул свитер и побежал в библиотеку.

Хотя, конечно, библиотека — это было громко сказано. На самом деле это был маленький застекленный шкаф, названный так потому, что в нем хранилось несколько журнальных подшивок, около двадцати романов и старинные издания, которые невесть как оказались здесь и залегли на долгие годы. Франсуа извлек путеводитель из-под альбома с дешевенькими марками, которые он азартно собирал некоторое время назад. Да, Кермол в путеводителе значился, но туристический интерес к нему был обозначен всего одной звездочкой. Человек, интересующийся историческими памятниками, мог прочесть, что Кермол был построен в 1160 году, позднее наполовину сгорел и ровно через сто лет был восстановлен. Когда-то здесь на несколько дней останавливался дю Геклен¹. Затем по приказу Ришелье главная башня и часть укреплений были снесены. В конце XVII века некий граф Келерден, в свою очередь, снес служебные постройки и по своему вкусу переделал двор. К этому же времени относится установка железных ворот. Во времена Французской революции вокруг замка шли бои между «голубыми» и «белыми», и следы канонады еще можно увидеть на южной части крепостной

¹ Дю Геклен, Бертран (XIV век) — коннетабль, возглавивший изгнание англичан из Франции.

стены. Потом замок, как собственность дворянина, покинувшего Францию во время революции, был продан. Купил его некто де Ла Туш. На этом история Кермола заканчивалась.

И никаких зацепок. Ни трагедий, ни убийств, ни заговоров...

Дядюшка Жауан был прав: лошадь-призрак имела все основания растеряться. Здесь ей места не было. Впервые и не без грусти Франсуа понял, что Кермол превратился в обычные развалины, которые отслужили свой срок, и, может быть, действительно разумнее было бы их продать.

Одна строчка текста была посвящена часовне Прощения, построенной в XIII веке около Кермола и отнесенной к категории исторических памятников. Франсуа совсем забыл о ней! Но из путеводителя совершенно не было ясно, почему именно этой часовне уделено такое внимание. Возможно, дело было в находившемся рядом с ней захоронении. Надо было ему раньше этим поинтересоваться... Однако ничто из прочитанного в путеводителе не бросало света на историю лошади-призрака.

Франсуа прошел сквозь весь этаж и вышел через калитку в южной части стены, на которой еще были различимы следы пушечных ядер республиканской армии.

Перед ним было море! Франсуа, забыв обо всем, побежал по узкой тропинке, которая вела к пляжу.

ЧАСОВНЯ ПРОЩЕНИЯ

Закатав штаны, Франсуа шагал босиком по самой кромке воды. Она была холодной, а пляж совсем пустынным. То и дело раздавались резкие крики присевших на берег чаек. Но как только

мальчик приближался к ним, птицы сразу разлетались, оставляя на мокром песке следы лапок. А когда Франсуа оглядывался, чтобы зрительно измерить пройденное расстояние, он видел отпечатки своих ног на песке. Но это были всего лишь человеческие следы, они не вызывали тревоги. А вот те... Те, другие следы были просто абсурдом! Слишком уж они были четкими, слишком настоящими. Лошадь-призрак не могла их оставить. Она ведь ничего не весит, она парит над землей!

Франсуа повернул назад. Решено: он отправится в Портсал и поговорит с аббатом Флоиком. Надо ведь ему кому-то довериться. Для него одного эта тайна слишком тяжела. К тому же Маргарита очень хорошо сказала: «Кто, как не служитель Бога, должен объяснить появление призрака?»

По возвращении в замок Франсуа ждал сюрприз.

Во дворе стоял мощный «ягуар», а отец Жауан разговаривал с двумя мужчинами. Первый, повыше, был одет в охотничью куртку, брюки для верховой езды и краги, а его спутник — в широкий плащ.

— А вот и он! — воскликнул Жауан.

Оба посетителя обернулись и посмотрели на Франсуа. Мальчику они сразу не понравились. Разумеется, это покупатели, а значит — враги. Тот, что был повыше, вышел вперед.

— Моя фамилия Дюшизо, — сказал он. — Я уже был здесь, а сейчас привел друга, которого это дело тоже заинтересовало. Можем ли мы осмотреть замок?

— Мой отец приедет через несколько дней, — попытался возразить Франсуа.

— Но нам очень бы хотелось посмотреть дом.

Чтобы вести деловые переговоры, надо знать заранее, о чем идет речь.

— А я еще к тому же и спешу,— добавил второй.

Ну как тут откажешь? Франсуа был вынужден согласиться. Начали они с больших пустых комнат основного корпуса.

— Мебель пропала во время войны,— пояснял Франсуа.— Во времена моего деда здесь было полно ценных вещей. Мне часто приходилось слышать, что это было целое богатство. Старинные драгоценности, золотая и серебряная посуда... Мой дед был известным коллекционером.

— Но за домом он не следил,— заметил Дюшизо и добавил, повернувшись к своему приятелю: — Чтобы починить крышу, придется заплатить, по моим подсчетам, триста или четыреста тысяч франков. Представляете?

— Здесь очень крепкие стены,— возразил Франсуа.

— Толстые, а не крепкие,— поморщился Дюшизо,— это не одно и то же.

Этот визит причинил Франсуа настоящее страдание. Дюшизо критиковал буквально все. Он вытащил из кармана блокнот, в котором подсчитывал предстоящие расходы. А его приятель слушал и не говорил ни слова. Бедный Кермол! Его обсуждают перекупщики, как корову на скотном рынке!

— А эти башни? — продолжал Дюшизо.— Жить в них невозможно, а сколько места они занимают! Нет, я считаю, что здесь все надо снести. Строить что-то новое на основе этого старья просто невозможно. Ваш проект об устройстве здесь гостиницы абсолютно нереален. Сейчас такое время, что людям нужны удобства. А амбары! Вы еще не видели амбаров! Друг мой, это нечто!..

Дюшизо шел уже впереди всех и сам открывал двери.

— Фанера! — восклицал он, стуча кулаком по деревянной обшивке стен. — Все изъедено и вот-вот развалится на куски. Здешний невыносимый климат может выдержать только бетон...

Франсуа плелся за ними со слезами на глазах. Кермол обречен! Может быть, именно поэтому и пришла эта лошадь из прошлого? Мальчику хотелось чем-то утешить старый замок, и, следуя за этими палачами, он тихонько поглаживал стены и дверные косяки. И ничего они не гнилые! Кермол еще сто лет простоит. Просто надо любить его, ухаживать, лечить его раны...

— Вопрос решается просто, — заключил Дюшизо. — Внимания здесь заслуживает только земля. Поместье хорошо расположено и к тому же стоит не очень дорого. Вы сможете построить здесь с десяток бунгало, а также небольшой торговый центр. Если захотите, можете добавить станцию техобслуживания. С этой точки зрения операция может быть рентабельной.

Франсуа набрал побольше воздуха.

— Нет, — сказал он.

Мужчины переглянулись.

— Нет, — повторил Франсуа. — Вы забываете, что часовня имеет историческую ценность. Ее нельзя сносить...

— Часовня? — переспросил Дюшизо. — Какая еще часовня? Я ее не видел.

— Часовня Прощения. Она находится в ложбине, поэтому ее отсюда не видно. Если хотите, я вам ее покажу.

— А где она?

— Справа от ворот. Совсем рядом.

— То есть прямо в центре поместья. Это все меняет, — прошептал тот, что пониже.

Дюшизо широким жестом отменил неожиданно возникшее препятствие.

— У меня в Париже связи, я все устрою. Если бы мы всегда прислушивались к мнению Музея изящных искусств, который определяет ценность исторических памятников, то Франция давно бы превратилась в страну древних лачуг. Надо жить настоящим, черт возьми!

Однако ему явно не удалось убедить приятеля. Для Дюшизо визит заканчивался неудачно. Мужчины вышли через южную башню, немного посоветовались между собой, и Дюшизо высокомерно обратился к Франсуа:

— Можно посмотреть часовню?

— Разумеется.

Они обогнули скалу и сразу увидели склеп. Ветры и дожди сильно повредили его стены, а крест оброс мхом. Стоящая рядом со склепом часовенка была такой же древней и того же цвета, что и склеп. А вокруг летала желтая бабочка, видимо, первая в этом сезоне.

— Вот это? — спросил Дюшизо, вытянув шею.

У часовни давно уже не было двери, и с улицы можно было видеть алтарь, похожий на надгробную плиту. Он был усеян осколками кровли. Дневной свет пробивался через два окна, узкие, как бойницы.

— Вот это? — снова спросил Дюшизо. — Ну и рухлядь!

— Но колонны портала неплохо смотрятся, — заметил низенький. — Они напоминают романское искусство, что довольно необычно для этих мест.

— Пусть будет так, я не спорю, — махнул рукой Дюшизо. — У каждого свой вкус. Что же касается романского искусства, то мне здесь видятся скорее гаражи и дорога через долину, а с этой стороны площадка, спускающаяся к пляжу. Здесь есть над чем поработать. Я считаю...

Он отвел своего спутника в сторону, и между

ними завязался оживленный спор. Франсуа не слышал, о чем они говорили.

— Я вам больше не нужен? — осведомился он.

— Нет, спасибо, — бросил Дюшизо.

До чего же противный тип! Возмущенный Франсуа вернулся к замку. Он нашел Жан-Марка за рулем грузовичка.

— Поедешь со мной в Портсал? — спросил Жан-Марк. — Я собираюсь за продуктами.

Франсуа сел рядом с ним.

— Очень кстати. Я как раз хочу задать несколько вопросов аббату Флоику. Он все там же?

— Да, но сейчас он стал настоятелем собора Богоматери.

— Тем лучше. Высади меня перед его домом.

— Ты хочешь рассказать ему про лошадь?

— Я хочу навести справки о Кермоле. Аббат изучал местную историю, он может знать что-то, чего не знают другие.

— Я прочел его книжку и был разочарован. Набор дат и мелких незначительных деталей.

— И все-таки... Почему не использовать эту возможность?

Жан-Марк ехал быстро, и вскоре машина остановилась перед домом, окна которого были уставлены цветочными горшками.

— Забери меня через час, — попросил Франсуа.

Он позвонил в дверь дома, и старая бретонка, морщинистая и горбатая, как злая колдунья, провела его в гостиную, пахнущую свеженатертым полом.

— Господин настоятель сейчас занят. Вы хотите исповедаться? Он исповедует по вечерам, начиная с пяти.

— Нет, я не собирался исповедоваться. Я всего лишь хотел задать ему несколько вопросов.

Старуха посмотрела на ботинки Франсуа, затем

на паркет, в котором отражалась мебель, вздохнула и вышла.

— Это ты, Франсуа! — воскликнул священник с порога. — Как ты вырос! Неудивительно, что бедняжка Луиза тебя не узнала. Как учеба?

— Нормально.

— Родители здоровы?

— Да, господин настоятель, они скоро приедут.

— Что привело тебя ко мне?

— Ничего особенно существенного. Просто мы сейчас проходим в лицее Шатобриана¹, и я должен написать сочинение на тему бретонских легенд. Вот я и подумал о Кермоле. Должно быть, есть какие-то легенды, связанные с нашим замком?

«Как я вру! — думал Франсуа. — Но не могу же я рассказать ему про лошадей! Пока не время. И, кроме того, мы и правда сейчас изучаем Шатобриана».

— Легенды?.. Нет, не припоминаю. По крайней мере о Кермоле. Одну я знаю, но она относится к часовне Прощения. Это красивая легенда, но исторически она ни на чем не основана. Поэтому я не стал упоминать о ней в моей книге.

Священник взял стул и основательно на нем устроился, разгладив ладонями сутану.

— Героиня этой легенды — лошадь. Я вижу, что это тебя удивило, но в нашем фольклоре много персонажей из мира животных...

— Какая это была лошадь? — взволнованно спросил Франсуа.

— Ну, этого я не знаю, ты слишком много хочешь. Возможно, боевая: в легенде упоминается, что она носила на себе рыцаря Бригоньяна. Эта история относится к XII веку. Господин де Бри-

¹ Шатобриан, Франсуа Рене (1768—1848) — выдающийся французский романтик.

гоньян жил в то время в каком-то замке около Портсала. Я пытался найти следы замка, но не обнаружил даже развалин. Хроника, правда, может и ошибаться. Вполне возможно, что речь шла о Кермоле... Как бы там ни было, у этого рыцаря был недруг — граф де Тревор. Он жил в поместье Портсподер. К несчастью, немцы, строившие здесь укрепления во время войны, взорвали остатки стен этого замка — тогда они еще существовали...

— Ну, а лошадь? — торопил его Франсуа.

— Сейчас дойду и до нее. Однажды Бригоньян подстрелил оленя на территории графа де Тревора... якобы подстрелил: честно говоря, эта история не вызывает у меня доверия. Так вот, граф, рассердившись на Бригоньяна, подъехал однажды к замку, чтобы вызвать того на дуэль. Согласно легенде, он приехал на той самой лошади и стал поджидать Бригоньяна. Дело было в полночь...

— Извините, господин настоятель, я не совсем понял — так граф вызвал Бригоньяна на дуэль?

— Да, и они сразились. Это был страшный бой. Бригоньян упал, смертельно раненный, а у графа, тоже раненного, хватило еще сил добраться до поместья. Но он потерял так много крови, что спасти его не смогли. Де Тревор успел еще позвать капеллана и, осознав, как далеко завела его гордыня, раскаялся и приказал послать свою лошадь за раненым Бригоньяном. Видишь, какая интересная легенда!

— А лошадь? Что стало с ней?

— Она вернулась в замок, неся на спине умирающего Бригоньяна. Противники на смертном ложе простили друг друга. Через некоторое время в память об этом была построена часовня Прощения. Часовня прекрасна, что говорить, но сам факт этого события сомнителен. Знаешь, существует немало историй такого рода; их во множестве

рассказывают в наших деревнях. Старые замки навевали на окрестных жителей самые разные фантазии, и теперь отличить правду от вымысла уже трудно.

— Господин настоятель, а вы верите, что такая лошадь существовала в действительности?

— Честно говоря, нет.

— А в призрак вы верите?

Священник покачал головой.

— Я ничего не имею против чудес,— сказал он.— Но этой темой нельзя злоупотреблять.— Он положил руку на плечо Франсуа.— Кермол — прекрасный старинный замок. Благодарение Господу Богу, в нем никогда не происходило ничего трагического, и привидения там не водятся. Когда будешь писать свое сочинение, смело можешь рассказать об этом.

— В Кермоле, может, и нет, а в поместье де Тревора?

— Не забудь, что его больше не существует. Оно исчезло. А призраки — они как вороны: исчезают, как только рушатся стены, в которых они обитали. Христианин не должен верить в привидения!

— Спасибо вам, господин настоятель.

Священник и мальчик распрощались, и Франсуа вышел на улицу, потрясенный услышанным.

НОВЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ

Вскоре подъехал Жан-Марк.

— Ну, узнал что-нибудь?

— Лошадь существует.— И Франсуа рассказал другу все, что услышал от аббата Флоика.

— Странно,— прошептал Жан-Марк.— Значит, на лошади действительно был всадник. Но почему

же тогда он никак не проявлял себя до последней ночи?

— Видимо, он узнал, что замок может быть продан и стерт с лица земли.

— Может быть, и так. Поскольку мы все равно ничего не знаем, сомнительное объяснение — это все же лучше, чем вообще никакого... Смотри, ветер изменил направление. Значит, на Святой неделе, как всегда, польют дожди.

А в замке их ждал новый сюрприз. Во дворе стоял великолепный лимузин.

— Еще один покупатель! — вздохнул Жан-Марк.

— К тому же богатый, — отозвался Франсуа. — Посмотри, ведь это «бентли», да еще с шофером.

Водитель в ливрее оливкового цвета с белыми пуговицами читал газету, разложив ее на руле. Когда грузовичок проезжал мимо, он даже не поднял глаз.

— Похоже, что на этот раз мы можем проиграть партию... — вздохнул Франсуа.

Он выскочил из машины и побежал выяснять у Маргариты, в чем дело, но по дороге наткнулся на высокого толстого блондина, которого сопровождал Жауан.

— Это сын господина Робьона, — объяснил Жауан.

Гость протянул Франсуа руку.

— Очень приятно. Меня зовут Ван дер Трост.

На нем был шикарный серый костюм, который, однако, не скрывал его полноту. Ван дер Трост жизнерадостно улыбался и даже вызывал некоторую симпатию.

— Я живу в Амстердам, — заявил он. — Я хочу купить поместье в этом... Я хочу сказать: здесь. Я обожаю. Пожалуйста, извините. Я не хорошо говорю по-французски.

— Вас послал нотариус? — спросил Франсуа.

— Да, нотариус.

— Он вам сообщил цену?

— Да, цена очень интересная. Прекрасный замок.

— Вы приехали прямо из Амстердама?

— Нет, не из Амстердама, а из... как это... Портсподера. Я снял виллу «Чайки» для моей семьи, которая скоро приезжать.

Франсуа замер. Кто-то совсем недавно говорил ему о Портсподере... Ну конечно, это же был аббат Флоик, когда рассказывал о графе де Треворе. Странное совпадение!

Ван дер Трост достал из внутреннего кармана очень красивый портсигар, вынул сигару и прикурил от золотой зажигалки.

— Могу посмотреть? — бросил он.

— Конечно, — ответил расстроенный Франсуа.

Он повел голландца в замок. Этот человек ему вроде бы и нравился, но мальчика отпугивала открытая демонстрация богатства. Франсуа начал обычные для таких случаев пояснения: замок был разграблен во время войны, произведения искусства бесследно пропали, и все в таком духе. Мальчик специально подчеркнул, что дед был очень богат: этот Ван дер Трост не должен думать, что имеет дело с нищими. Если замок и решено продать, то вовсе не из материальных соображений.

— Война! О, ужасно, ужасно! — твердил голландец.

Франсуа надеялся, что Ван дер Трост начнет все критиковать, как делал Дюшизо. Но ничего подобного: голландец просто наслаждался! Он был полон энтузиазма. Франсуа стал даже что-то придумывать, чтобы опорочить замок. Он постучал ладонью по дереву.

— Фанера! Все изъедено и вот-вот рассыплетя.

Мальчик слово в слово повторил все, что говорил Дюшизо, но Ван дер Трост продолжал улыбаться.

— Моя фирма все ремонтировать,— отвечал он.

Так Франсуа узнал, чем занимается голландец. Оказалось, что он руководит цементным заводом. «Вот уж повезло»,— кисло думал Франсуа. Это же надо — нашелся покупатель, который способен восстановить Кермол, не затратив ни гроша!

— Тут все надо снести,— бросил мальчик, искоса поглядывая на Ван дер Троста.

Голландец даже подскочил.

— Никогда!..— вскричал он.— Это прекрасное жилище!

— Это еще ничего,— в Франсуа заговорил дух противоречия,— а вот если бы вы видели, какая раньше была главная башня!

Ван дер Трост по-прежнему был невозмутим.

— Я ее восстановлю.

Франсуа прекратил борьбу. Но беспощадный голландец пожелал еще пройтись по долине. Он явно уже чувствовал себя здесь хозяином. Когда они продрались сквозь колючие заросли утесника и терновника, Ван дер Трост поинтересовался:

— А что это за маленькая штука?

— Да так, старая часовня,— небрежно бросил Франсуа.

— Она тоже... достопримечательность?

— Конечно!

— Очень интересно! Мне она так нравится!

«Вот тип! Все ему нравится, лишь бы только меня расстроить!»

Начался дождь. Ван дер Трост, не обращая на это внимания, продолжал разглядывать все кругом.

— Мне бы хотелось узнать историю от это место,— заявил он, обводя рукой горизонт.

Франсуа тут же уступил.

— Я могу рассказать вам историю, например, вот этой часовни. Но давайте зайдем под крышу, а то совсем вымокнем.

И пока они стояли в этом маленьком сооружении, почти прижавшись друг к другу, Франсуа поведал голландцу историю часовни Прощения. И в этой обстановке, да еще в полутьме, она показалась ему самому вполне правдоподобной. А дождь продолжал заливать долину, море сердито вздыхало, и, может быть, где-то недалеко от них бродила в это время лошадь-призрак...

Голландец, раскрыв рот, заворуженно слушал.

— Потрясающе! — прошептал он. — Моей семье понравится! — Он посмотрел на часы. — О! Я, кажется, злоупотребляю... Я должен уезжать.

Пригнувшись, они побежали под дождем. Шофер вышел из лимузина, снял фуражку, открыл дверь. Выглядело это шикарно! Ван дер Трост рухнул в машину и протянул Франсуа руку.

— До свидания. Все было прекрасно... Я вернусь!

«Бентли» бесшумно заскользил по дороге, и скоро его серая тень растворилась в пелене дождя.

— Иди погрейся,— позвала мальчика Маргарита,— а то подхватишь простуду.

Жауаны и Жан-Марк сидели в кухне.

— У меня впечатление, что на этот раз это серьезно,— вздохнул дядюшка Жауан.— Он такой богатый!

Что это с ними? У них такой странный вид. Может, устали? Ах нет, они просто расстроены визитом.

— Ты сказал ему о лошади? — спросил Жан-Марк.

— Нет, ну что ты! Только рассказал историю часовни. У меня такое впечатление, что он готов купить все оптом, даже лошадь-призрак.

Маргарита подняла глаза к небу.

— Не надо над этим смеяться, Франсуа.

Жауан встал на пороге.

— Сегодня ночью будет гроза. Вряд ли мы услышим лошадь.

— Будем бодрствовать все вместе,— предложила Маргарита, положив руку на плечо Франсуа.

Разговаривая, они постепенно забыли о Ван дер Тросте и думали теперь только о предстоящей ночи.

Потекли долгие унылые часы. Ветер все усиливался. Жауан прошел по амбарам и расставил всюду тазы и бочки, в которые обычно собирал воду. Жан-Марк в это время трудился над чем-то в «лаборатории». Рядом со своей комнатой он со-

орудил маленькую мастерскую и в такие вот моменты обычно собирал там разные модели, управляемые на расстоянии.

А Франсуа бродил по замку. Может быть, это в последний раз? Вдруг Ван дер Трост захочет ускорить завершение сделки? Франсуа попытался восстановить в памяти залы замка такими, какими они были до войны. Он не раз рассматривал фотографии: ценных картин в замке не было, но стены гостиной были украшены полотнами, написанными его прадедом. В библиотеке хранились уникальные издания. И все это пропало! Все разворовано квартировавшими в замке немцами. Как жаль!.. В залах еще чувствовался запах сигары Ван дер Троста, это был запах нового хозяина. «Лучше бы я остался в Париже!» — прошептал Франсуа.

А лошадь? Эта призрачная лошадь, пришедшая из прошлого? Услышит ли он ее еще раз?

Франсуа был уверен: да, она придет. Придет и принесет на себе раненого Бригоньяна.

НОЧЬ НАКАНУНЕ СРАЖЕНИЯ

Они устроились в комнате у Франсуа. Огонь весело потрескивал в камине, но они сидели напряженные, озабоченные. Жан-Марк принес из соседней комнаты кресла. Жауан прихватил кувшин сидра, а Маргарита испекла блинчики. Время от времени все четверо вздрагивали от голубых всполохов за окном. Вдруг шквалом налетел ветер, затем наступило затишье, и снова удары ветра и грома... На улице бушевала весенняя гроза.

Франсуа пытался сосредоточиться подумать, но ему никак не удавалось собрать разбегающиеся мысли. Ситуация абсолютно абсурдная! Как он ни старался, а все-таки не мог представить себе лошадь без кожи и костей. Может, выстрелить в

нее из охотничьего ружья Жауана? Или натянуть проволоку поперек дороги? Мозг мальчика отказывался верить в то, что лошадь неосвязаема. Может быть, это все плод его фантазии?

Маргарита перебирает четки и время от времени подкладывает им блинчиков. Жан-Марк не сводит глаз с циферблата часов. Жауан курит, подолгу затягиваясь. А Франсуа ходит от камина к окну, от окна к камину... Луна спряталась за облаками. Шум ветра настолько силен, что как бы не пропустить лошадей! Может оказаться, что их ожидание напрасно, но зато из-за дождя будут лучше видны следы копыт. А вдруг она не придет? Франсуа снова пережевывает те же мысли: «Это не лошадь... нет, это лошадь... а может, никакой лошади вообще нет... Я должен разрешить эту загадку... в этом есть что-то непостижимое...» Его угнетает ощущение собственной беспомощности.

— Уже скоро,— объявляет Жан-Марк.

Маргарита вздыхает. Жауан выбивает трубку и пристраивается на подоконнике.

— Темно, хоть глаз выколи,— ворчит он.

— Можно открыть ставни,— предлагает Жан-Марк.

Но Маргарита протестует:

— Нет! Мне страшно!

Ее муж пожимает плечами и слегка раздвигает ставни, но налетевший ветер тут же захлопывает их. Тогда Жауан решительным жестом разводит створки в стороны и закрепляет. Ветер сразу врывается в комнату, и из камина вылетают искры.

Ночь холодная, влажная. За углом замка мощно гудит море.

— Господи! Господи! — повторяет Маргарита, забившись в самый дальний угол комнаты.

— Без трех минут полночь! — сообщает Жан-Марк.

«Интересно, как это лошадь из двенадцатого века определяет время?»

Быстро бегущие облака расступаются, освобождая кусочек неба, и в просвете появляется луна.

— Она идет,— шепчет Жауан.

Франсуа и Жан-Марк подбегают к окну. Высунувшись по пояс, они поддерживают друг друга. Им кажется, что так легче избежать опасности... Со стороны ворот слышится ржание. Все настораживаются.

Луна вновь скрывается в облаках, а капли дождя бьют им в лицо.

— Вот она! — вскрикивает Жан-Марк.

— Тихо!

Они наклоняются еще ниже. Да, звук копыт слышен совершенно отчетливо. Такое впечатление, будто лошадь чего-то боится: она то пускается в галоп, то вдруг резко останавливается. Это совсем не те звуки, что Франсуа слышал в предыдущую ночь! Из-за того, что все воспринимается только на слух, это особенно заметно.

Лошадь приближается. Сейчас она обогнет угол стены.

— У нее всегда один и тот же маршрут,— шепчет Жауан.

— Тсс!..

Вот она останавливается, сердито скребет копытом землю, храпит, трясет головой. Слышатся позвякивание цепочки и даже поскрипывание сбруи. Лошадь снова приближается. Опять приглушенное ржание, затем цокот копыт, и вот она уже под окном. Лошадь громко дышит. Она топчется на месте, отступает... Все трое чувствуют, что лошадь управляет невидимый всадник.

Внезапно ударила молния, осветив равнину. Франсуа и Жауаны единым движением отшатыва-

ются назад. Гремит гром, эхом прокатываясь вдаль. А лошадь... она не двигается с места. Так и остается стоять там же, где и в прошлую ночь, кусая удила и время от времени приплясывая.

— Закройте окно! — умоляет Маргарита из глубины комнаты.

Все трое молчат. Каждый задает себе один и тот же вопрос: «Чего ждет всадник?» Франсуа холодеет от сумасшедшей мысли: «А что, если он спешился? А если он уже в замке? Ему надо всего лишь пройти сквозь стену гостиной...» Но это было бы не по легенде: ведь лошадь графа де Тревора сначала отнесла своего хозяина в замок и только затем вернулась за умирающим Бригоньяном.

Лошадь переступает с ноги на ногу и разворачивается. Франсуа рывком устремляется к шкафу, где лежит его чемодан. Скорее! Там же есть фонарь! Черт, куда он запропастился?.. А, вот! Мальчик бегом возвращается к окну, хватается за дядюшку Жауана, чтобы не упасть, потом, высунувшись в окно, вытягивает руку и зажигает фонарь. Луч света бежит по дороге, по утеснику, перепрыгивает со скалы на скалу: ничего! Видно только, как капли дождя кругами расходятся в лужах. Но лошадь ведь там! Судя по цокоту копыт, она всего в нескольких метрах от них. Франсуа направляет туда луч фонарика. Фонарь светит ярко, но лошади не видно!

Все трое изо всех сил таращат глаза, как будто от этого зависит, увидят ли они лошадь. Но, конечно, они ничего не видят. А вот и щелканье языка... Франсуа выпрямляется.

— Ну что, слышали?

Да, они слышали.

— Ничего себе! — качает головой Жан-Марк. Лошадь снова скачет к изгороди. Франсуа га-

сит фонарь. Стук копыт затихает. Видимо, лошадь возвращается в Портсподер, в конюшню графа де Тревора.

Жауан, пожившись, закрывает ставни: он замерз. Мальчики тоже дрожат от холода. Все трое садятся у огня. Жауан мешает угли и подкидывает дрова.

— Ну что, довольны? — шепчет Маргарита. — Эта лошадь нас когда-нибудь уморит.

— Да ладно тебе, — ворчит Жауан.

Он наливает себе стакан сидра, чтобы согреться. Франсуа берет блинчик и машинально терзает его вилкой. Он полон сомнений. Что сказать? Что думать? Что делать?

— Я больше не могу здесь спать, — жалуется Маргарита. — Завтра уйду ночевать к сестре в Портсал.

— А малыш? Ты что, оставишь его одного? — хмурится Жауан.

— Конечно, нет... Я поговорю со священником, — решается Маргарита.

— Франсуа был у него вчера утром, — сообщает Жан-Марк.

— Франсуа, это правда?

— Да, я хотел... хотел с ним поговорить, — отвечает Франсуа. — Он не верит в привидения.

— Ну и пусть не верит! — вскипает Жауан. — А у нас есть доказательства! Если это не привидение, то что же мы слышали, хотел бы я знать?

— Самое странное, — задумчиво говорит Франсуа, — что вчера и сегодня звуки были разные. Я не очень разбираюсь в привидениях, но все-таки из того, что я читал, следует, что они всегда появляются в одном и том же месте и всегда делают одно и то же. А эта лошадь ведет себя по-разному. Сегодня ночью, например, она стояла под башней дольше, чем вчера.

— Но маршрут у нее не меняется,— возражает Жан-Марк.

— И есть еще кое-что... Мне кажется, что звуки не всегда соответствуют тому, что мы должны были бы слышать. Например, лошадь огибает стену. Там, в этом месте, дорожка посыпана галькой, так? Однако цокота копыт не слышно.

— Да,— отзывается Жан-Марк,— но ведь в двенадцатом веке двор наверняка был вымощен иначе, чем теперь, поэтому и звуки другие.

— Ты хочешь сказать, что звуки — тоже призраки?

— А почему нет?

— Но ведь след не был призрачным, он был реальным!

— Какой еще след? — интересуется Жауан.

Ну вот, Франсуа проболтался! Ну и пусть! Он рассказывает об открытии, сделанном в предыдущую ночь. Сообщение о следах копыт ошеломляет Жауана и повергает в ужас Маргариту.

— Мне это совсем не нравится,— продолжает Франсуа.— След — это уж слишком!

— Может быть, как раз на этом месте всадник вскочил на лошадь,— фантазирует Жан-Марк.— Рыцарь в латах наверняка был довольно тяжелым.

— Да брось ты...

— Именно так. Задание, данное лошади ее хозяином, было для нее очень важным. Поэтому сейчас она как бы вспоминает события той необыкновенной ночи, воспроизводя даже мелкие детали.

— Какое еще задание? — кричит Жауан.— Что это за история?

— Эту историю,— объясняет Франсуа,— я услышал от Флоика...

И мальчик рассказывает о дуэли графа де Тре-

вора с Бригоньяном, о том, как лошадь развезла раненых по домам, о примирении противников, о возведении часовни Прощения. Старики слушают его, раскрыв рты от удивления.

Маргарита шепчет:

— Теперь ты видишь, Франсуа, что это самый настоящий призрак. Чем же мы так разгневали Бога, что он послал на нас такую беду?

Жауан молча посасывает свою трубку.

— Эта часовня,— наконец произносит он,— вроде ничего особенного собой не представляет, но...

Он не развивает свою мысль; честно говоря, он даже не знает, как ее сформулировать.

— Ну ладно. Я лично отправляюсь спать,— говорит Жан-Марк.— Черт с ней, с этой лошадью! Не хватало только из-за нее портить себе жизнь. Пусть себе болтается перед замком сколько влезет!

Он явно бравирует, но его слушатели прекрасно понимают, что он смущен и озадачен. И все-таки в словах Жан-Марка есть доля правды: как ни потрясающа эта история, вреда от нее никакого. Значит, ничто не мешает им хорошенько выспаться!

Они желают друг другу доброй ночи, и Франсуа остается один. Убедившись, что Жауаны улеглись спать, мальчик хватает свой плащ, чтобы не вымокнуть под дождем, и смотрит на часы: час ночи! «Стоит ли выходить? Может, лучше лечь спать?» Но его второе «я», вечно сомневающееся, уверенное, что загадки существуют только для того, чтобы их разрешать,— иными словами, Без Козыря принимает другое решение. Лошадь ушла, но приходила ли она на самом деле? Вот это и надо попытаться узнать.

РАНЕНЫЙ

Без Козыря осторожно спускается с лестницы, открывает дверь... Острые капли дождя бьют ему в лицо. Надо действовать побыстрее, иначе дождь смое следы... Мальчик бежит к изгороди, огибает ее и, пригнувшись, включает фонарь. Без Козыря начинается расследование! Сначала его взгляд падает на след копыта, такой четкий, что в нем ясно виден каждый гвоздик; чуть дальше на песке виден другой след, потом и третий — рядом со скалой. И, наконец, четвертый — как раз под окном его комнаты. Франсуа делает еще пару шагов и вдруг подпрыгивает от неожиданности; фонарь дрожит у него в руке.

У северной башни, в том месте, где лошадь останавливалась, лежит человек. Он лежит на животе, повернув голову в сторону стены. Господи, неужели Бригоньян?.. Да нет, это просто смешно! На этом человеке черный плащ, по которому бьет дождь. Следов крови нет. Он, видимо, потерял сознание при падении. Откуда же он мог упасть? Не сидел же он на лошади-призраке! Но тогда что он здесь делал? Дрался? С кем? Почему?.. А что это у него зажато в правой руке? Без Козыря разжимает пальцы незнакомца и видит пуговицу из белого металла. Она явно была вырвана в момент драки. Без Козыря опускает пуговицу в карман. Ею он займется позднее, а пока надо оттащить раненого в замок.

Мальчик разбудил Жауанов. Маргарита тотчас же кинулась стелить свежие простыни в комнате для гостей, окна которой выходили прямо на море. Жауан выкатил из сарая садовую тачку, а Жан-Марк торопливо собрал необходимые лекарства. Вдвоем они положили раненого на тачку; это оказалось нетрудно: такой он был худой. Незнако-

мец все еще не пришел в сознание. Без Козыря снял с него плащ. Что это в кармане? Оружие?.. Пока Жауаны укладывали раненого на кровать, Без Козыря запустил руку в карман плаща. То, что он там нашел, его буквально ошеломило.

Это оказалась маленькая блестящая статуэтка, отлитая из золота. Она изображала вставшую на дыбы лошадь с развевающейся гривой.

— Вы только посмотрите! — воскликнул мальчик, ставя статуэтку на стол.

Жауаны не рискнули даже дотронуться до нее, зато Жан-Марк смело взял статуэтку в руки и взвесил на ладони.

— Черт возьми! Да ведь это же золото!

— Разумеется, золото, — подтвердил Без Козыря. — Посмотрите, как красиво передано движение, как точны пропорции... Это настоящее произведение искусства!

— Но как эта статуэтка связана с нашей лошадью? — задумался Жан-Марк.

— Об этом мы узнаем, когда этот человек придет в себя.

Они повернулись к кровати. На голове у раненого Без Козыря заметил огромную шишку.

— Здорово его шарахнули! — вздохнул Жауан. — Надеюсь, череп не проломлен.

Маргарита уже принесла теплой воды и ваты. В трудных ситуациях она не жалела сил, а ее сообразительность и сноровка были неподражаемы. Мадам Жауан бережно промыла рану.

— Разденьте его, пока я схожу за второй подушкой.

С раненого осторожно сняли пиджак и брюки.

— Все-таки это странно, — заметил Без Козыря. — В карманах пусто, ни бумажника, ни кошелька... Никаких документов!

Незнакомец застонал, но в сознание пока не пришел. Все четверо рассматривали загадочного гостя, раненного на том самом месте, где остановилась лошадь-призрак. Там где шпага графа де Тревора насмерть поразила Бригоньяна... У раненого было тонкое лицо, брови сходились на переносице, что придавало лицу свирепое выражение.

Мальчики принялись рассматривать золотую лошадку. Она так грозно подняла копыта, будто готовилась ударить... В голову ребятам одновременно пришла одна и та же мысль.

— Это был удар копытом,— прошептал Без Козыря.

Мысль была, конечно, довольно смелая, но шишка на голове у незнакомца вполне могла появиться от удара копытом...

— Жандармы определяют,— сказал Без Козыря.— Их это касается так же, как и нас. Жан-Марк, иди звони в жандармерию. Скажи, чтобы они сразу же приезжали, что у нас раненый и что он в тяжелом состоянии.

— Мсье Робьону это не понравится,— пробормотала Маргарита.

— Наоборот,— возразил Без Козыря,— он убедится, что мы умеем сами справляться с трудностями.

Ожидая возвращения Жан-Марка, он рассматривал статуэтку. Может быть, в ней скрыт какой-то секрет? Какая связь существует между двумя лошадьми? Разумеется, она должна существовать; таких совпадений не бывает. У Без Козыря никогда не было недостатка в воображении, однако сейчас он не видел никакой зацепки. Большая лошадь ушла, но оставила свою уменьшенную копию, словно тайный знак. Что он мог означать?

Жан-Марк вернулся злой как черт.

— Телефон не работает. Видно, во время грозы произошел обрыв линии.

— У нас это часто случается,— вздохнул Жауан.— Так что, дорогой мой Жан-Марк, тебе остается только залезть в свой грузовичок и ехать в Ланнилис. Ты понимаешь, что медлить тут нельзя. И привези врача.

— Уже три часа ночи,— проворчал Жан-Марк.— Он ужасно разозлится, если я его разбужу.

— Я поеду с тобой.— Без Козыря встал.— Пока ты будешь будить врача, я расскажу жандармам, что у нас случилось.

— Оденьтесь как следует,— крикнула им вслед Маргарита.

Ее совет пришелся как нельзя кстати, потому что дождь все усиливался. Без Козыря вернулся к себе в комнату. Как мама была права, когда заставила его взять с собой шарф! Франсуа оделся потеплее и, сгибаясь под ударами ветра и дождя, побежал в гараж к Жан-Марку. Тот по пояс зарылся в капот автомобиля.

— Не представляю, что с ним приключилось,— посетовал он.— Не хочет заводиться, и все. Поверни, пожалуйста, стартер.

Но все их усилия остались безрезультатными.

— Я действительно ничего не понимаю,— пробормотал Жан-Марк,— странная какая-то поломка...

— Ты думаешь, кто-то покопался в моторе? — нахмурился Без Козыря.

— Да что ты, кому это надо!

— Мы в безвыходном положении. Телефон не работает, машина не заводится... Полицию вызвать невозможно.

Жан-Марк беспомощно развел руками. Без Козыря медленно обошел машину. Его не покидала мысль, что здесь пахнет саботажем.

— Пошли отсюда,— взмолился Жан-Марк.

Они поспешно вернулись в замок. Жауан встретил их, приложив палец к губам.

— Похоже, он уснул...

— Тем лучше,— прошептал Жан-Марк,— потому что с машиной что-то случилось. Понятия не имею что. По такой погоде на велосипеде не доедешь, так что жандармов мы сможем позвать только утром.

Жауан повернулся к жене.

— Может, пойдешь спать?

— Я устала не больше, чем ты,— ответила она.

Они начали шепотом спорить, но Жан-Марк решительно прервал их.

— Нет никакой необходимости сторожить раненого вчетвером. В таком состоянии он не опасен. Мы с Франсуа подежурим по очереди. Так будет проще. Спокойной ночи.

Жан-Марк явно имел влияние на стариков. Не споря, они ушли к себе. Жан-Марк пододвинул кресло к постели раненого.

— Сначала дежурю я,— решил он.— Через два часа я тебя разбужу... Старик, да тебя уже ноги не держат. Иди-ка немедленно спать!

Глаза у Франсуа действительно слипались, и он не стал спорить. Но, улегшись в постель, он еще нашел в себе силы обдумать все, что произошло в Кермоле со времени его приезда. Особенно странным казалось ему то, что легенда о часовне Прощения как будто начала оживать. Сначала была лошадь, теперь появился раненый, которого лошадь должна была отнести домой... Ей ведь было дано такое задание! Нет, конечно, ло-

щадь не вернется за раненым. Вот здесь-то жизнь и внесет свою поправку в легенду! К тому же в легенде ничего не говорилось о золотой лошадке...

Мысли Франсуа о золотой статуэтке и лошади-призраке понемногу начинали путаться. Наконец он словно провалился в сон. И вот что ему приснилось...

Он в лицее в компании своих товарищей. У него пропала тетрадь по алгебре. В поисках ее он вдруг оказывается на пляже. В руках у него поводок, а на поводке — золотая лошадка. Она семенит рядом с ним, и время от времени они с Франсуа переговариваются, прекрасно понимая друг друга. «Когда я подрасту, — говорит лошадка, — ты будешь на мне ездить». Франсуа почему-то пугается. «Нет! Нет! — кричит он. — Уходи!» Статуэтка вдруг превращается в огромную золотую лошадь, которая хочет силой посадить Франсуа к себе на спину. Мальчик вырывается, бежит по замку, а лошадь гонится за ним. Позади себя он все время слышит стук ее копыт. Франсуа пытается закрыть перед ней дверь, но ему это не удается. Лошадь, превращаясь в облако, проникает через все двери. Слышится ее замогильный голос, который зовет его... Весь замок дрожит. Франсуа падает на пол и куда-то ползет...

Сползая с кровати, мальчик потерял равновесие, схватился за простыню и проснулся. Половина его тела свесилась вниз, все мышцы болели... Сев в постели, он попытался восстановить дыхание: впечатление было такое, что он долго куда-то бежал. Потом он зевнул, провел рукой по волосам и сказал себе: «Как хорошо, что этот сон кончился!.. Интересно, который час?»

Шесть часов! Жан-Марк уже давно должен был его разбудить. Это, конечно, очень мило с его сто-

роны — взять на себя все дежурство, — но Франсуа понимает, что это на Жан-Марка не похоже. Он быстро одевается, бежит по коридору — и останавливается, пораженный. Дверь приоткрыта, и в нее видна часть комнаты для гостей. Кровать пуста. Статуэтка тоже исчезла.

Франсуа становится страшно. Он пытается распахнуть дверь, но ее держит что-то тяжелое. Чье-то тело!.. Господи, это же Жан-Марк! Франсуа опускается на колени, пытаясь определить, куда пришелся удар. Но нет, похоже, что Жан-Марк не ранен.

— Жан-Марк, это я, Франсуа!

Жан-Марк шевелится, пытается приподняться...
— Лошадь, — говорит он. — Лошадь...

— Она исчезла.

Жан-Марк смотрит на него пустыми глазами и повторяет:

— Исчезла... исчезла...

Он вертит головой, хмурит брови, пытаясь понять, что произошло. Потом спрашивает шепотом:

— Но ведь не статуэтка, а другая лошадь?

— Какая другая? Старик, никакой другой не было.

Жан-Марк открывает и снова закрывает рот. Он явно хочет что-то сказать, но никак не может. Молча он протягивает руку к кровати, и Франсуа следит за его движением. Он видит на простыне коричневое пятно. Сомнений нет — это след копыта. Такой же, какой он видел на земле. Франсуа смотрит на Жан-Марка.

— Лошадь-призрак?

Жан-Марк кивает головой. Значит, это происходило не во сне? Лошадь действительно была в замке, она приходила за раненым!

- Жан-Марк поднимается, держась за голову.
— Ты ее видел? — спрашивает Франсуа.
— Она подошла сзади, и я упал.
— Расскажи подробно!

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПУГОВИЦА

Жан-Марк с трудом встал.

— Извини, старик, но, честно говоря, я задремал. Этому типу ничего не было нужно, и я решил, что если он пошевелится, то я услышу. В какой-то момент мне показалось, что позади меня открылась дверь. Я почувствовал небольшой сквозняк, но не придавал ему особого значения. А потом налетел порыв ветра, я еще подумал в полудреме: «Прямо как тот смерч в прошлом году». Наверное, я уже спал; во всяком случае, у меня не хватило сил подняться и пойти посмотреть, что там происходит. Был какой-то шум и, кажется, цоканье копыт. Я помню, что протянул руку к статуэтке. По-моему, я даже сказал ей: «Тпру».

— Тебе это приснилось!

— Может быть. У меня в голове все перепуталось. Еще я помню, что позади меня кто-то дышал. Все громче и громче. И внезапно я понял, что это лошадь, но не эта статуэтка, а лошадь-призрак, и что она в комнате. Я пытался подняться, но не мог. И вдруг я потерял сознание...— Жан-Марк потрогал рукой затылок.— Вначале мне показалось, что меня оглушили. Но, скорее всего, я просто стукнулся головой об пол.

Он понемногу приходил в себя.

— Откровенно говоря, я пережил самые ужасные четверть часа в своей жизни.

Без Козыря огляделся. Одежда незнакомца пропала, только разобранный кровать и след копы-

та подтверждали, что ночной гость действительно существовал. Франсуа вынул платок, смочил его слюной и потер пятно на простыне. Ткань пожелтела.

— Песок и земля,— пробормотал он.

Потом он осмотрел стол.

— На том месте, где стояла статуэтка, тоже полно грязи.— Франсуа провел платком по поверхности стола.— Видишь?

— Послушай, Франсуа, не пытайся меня убедить, что маленькая лошадь повторяла все, что делала большая.

— Я просто отмечаю факты, старик. Если обдумать все факты, может быть, мы пойдем наконец, что происходит.

— Во всяком случае, когда я падал, раненый еще находился в кровати. В этом я уверен. А ты не слышал, как я упал?

— Нет. Представь себе, что в это время я спал и видел сон. В моем сне лошадь-призрак тоже вытворяла что-то невероятное. Она даже меня звала.

— Это, наверное, я звал тебя на помощь.— Жан-Марк грустно улыбнулся.— Ну и хороши же мы! Только вообрази, как бы мы выглядели, если бы вздумали рассказать все это жандармам!

— Выходит, что поломка машины сыграла нам на руку! — заметил Без Козыря с напускным весельем, которое, однако, не обмануло его друга.— Только жандармов здесь и не хватало.

— Жан-Марк! — Это был голос Маргариты. Мальчик вышел в коридор.

— Заходи к нам. Мы одни.

Старушку мучили ревматизм и одышка, и она передвигалась с трудом. Войдя, она сразу увидела пустую кровать.

— Слава Богу, что хоть ты не пострадал...

— А за что мне страдать? Это было бы несправедливо. Он просто не хотел отвечать на наши вопросы и исчез, как только ему предоставилась возможность.

— Как это непорядочно! — всплеснула руками Маргарита. — Я сразу поняла, что он плохой человек. Все-таки было бы лучше, если бы жандармы были в курсе дела.

Час спустя они все еще сидели в кухне и разговаривали, поедая вкуснейшие хлебцы с медом. Жауан пошел нарвать кроликам травы, а вернувшись, тоже принял участие в разговоре. Он был за то, чтобы ничего более не предпринимать. Жауан не любил, когда кто-то совал нос в его дела. Зато его жена, наоборот, считала, что если они ничего не предпримут, то может случиться что-то более серьезное, и тогда они никогда себе не простят, что так долго бездействовали.

— Я не хочу видеть у себя в доме жандармов! — гремел Жауан.

— А я не хочу, чтобы в мой дом забредали ночные бродяги, — не отступала Маргарита.

— В общем, лучше всего подождать мсье Робьона, — заключил Жан-Марк.

— Я тоже так думаю, — поддержал его Без Козыря. — Мы выбрали раненого, а он от нас удрал. Спросим себя — требует ли этот факт расследования?

— А если это вор? — возразила Маргарита. — Я читала в газете, что в нашем районе ограбили несколько вилл.

Озадаченный Жан-Марк смотрел то на Маргариту, то на дядюшку Жауана.

— Прежде всего я должен заняться своей машиной.

И в тот момент, когда он встал, раздался телефонный звонок.

— Смотрите, он, оказывается, работает! — удивился Без Козыря. — Может, это родители?

Жан-Марк взял трубку.

— Алло? Здравствуйте, мсье Робьон. Да, все в порядке, спасибо. Он здесь, передаю ему трубку.

У Франсуа словно гора с плеч свалилась. Наконец-то он сможет сложить с себя груз ответственности! Посмотрим, как знаменитый адвокат справится с загадкой лошади-призрака!..

— Здравствуй, папа. Да, я очень хорошо тебя слышу. У нас все в порядке. Подожди, я им скажу... — Он закрыл трубку рукой. — Родители придут сегодня вечером. Папа уже освободился. Они выезжают через полчаса.

Маргарита вздохнула с облегчением.

— Да, папа, договорились. Мы все приготовим. Захватите теплые вещи: была сильная гроза, и весь Кермол в воде. Счастливого пути!.. Жауаны передают вам привет. Поцелуй маму... Что? Напрасно ты так говоришь, я еще ничего не потерял. Да, стараюсь. До свидания!

Счастливый Франсуа повесил трубку.

— Уф-ф! Ну, держись теперь, лошадь-призрак!

— Бедный хозяин, — сокрушалась Маргарита. — Он-то надеется отдохнуть... Может, не будем пока ему рассказывать? Ну подумай, Франсуа: они весь день будут в дороге, надо же им восстановить силы...

— А если лошадь не станет ждать? — возразил Франсуа. — Я хочу, чтобы папа своими ушами все услышал, а то он просто рассмеется мне в лицо...

Это было чудесное утро! Все четверо испытывали одинаковое чувство облегчения, как гарнизон, который известили о приближающемся подкреплении. Пока Маргарита готовила для Робьонов комнату, а Жан-Марк копался в машине, Франсуа с

Жауаном отправились в маленькую бухту к северу от замка, где на приколе ждала лучших времен яхта «Гульвен II».

— Ты уже совсем большой,— говорил Жауан,— и можешь учиться ходить на яхте. Твой отец согласен, мы говорили об этом еще в прошлом году. Ты увидишь, что эта яхта проворнее, чем пиявка в мелководье.

— Лучше не надо о пиявках,— попросил Франсуа.

— Я тебя понимаю... В морской школе Глема-на нет ни одного судна, равного нашему «Гульвену». Помнишь ли ты хоть немного, чему я учил тебя в сентябре?

— Помню кое-что...

— Проверим. Например, что такое гик?

— Это рея, которая позволяет парусу поворачиваться вокруг мачты.

— Хорошо. Теперь скажи, что нужно делать, если парус пошел вперед через борт и ложится на бакштаг?

— Вот этого я не знаю.

— А как надо укладывать канат?

— Дайте-ка подумать... Кажется, справа налево.

— Наоборот! Всегда по часовой стрелке! Чему вас там учат в вашем лицее? Это должны знать все!.. Теперь скажи, что такое стоячий такелаж?

— Это вант и леера.

— Неплохо. Ты заметил, что я понемногу привожу в порядок нашего бедного старого «Гульвена»? По нему еще пройись бы краской... Подумать только, что были времена, когда я ходил на яхте весь год и при любой погоде! Теперь мы с ней здорово поизносились. Я уже не могу много двигаться, устаю, сердце барахлит. Жан-Марку скоро придется одному справляться со всем хозяй-

ством. Нам-то с матерью много не надо... Только бы не продали Кермол!

Сходя на берег, он держался рукой за плечо Франсуа.

— Ты, сынок, парень храбрый, и голова у тебя соображает. Мы сделаем из тебя настоящего матроса, вот увидишь. Когда-нибудь ты заменишь меня.

Франсуа весело пробежался по суденьшку от носа до кормы. Всей грудью вдыхая морской воздух, он избавлялся от ужасных впечатлений минувшей ночи и наслаждался жизнью. А еще ведь скоро родители приедут!

Мимо мачты, склонившись на одно крыло, пролетела чайка. Она строго скосила глаз на мальчика. Тот поднял руку, чтобы послать ей привет, а заодно и песчаному берегу, морю и бледному небу...

Франсуа помог Жауану взобраться на борт.

— Надо бы вычерпать воду,— бормотал старик.— Сколько здесь всякого мусора, да и в рубке тоже. Думаю, сынок, что наш урок закончится почти не начавшись. Мне придется все утро вычерпывать воду.

— Можно я вам помогу?

— Ни в коем случае! Знаю я, как ты помогаешь! Возвращайся побыстрее и скажи моей жене, что я вернусь примерно через час и буду все делать очень медленно, чтобы не уставать. Так слово в слово и передай. Она нашего «Гульвена» и так недолюбливает...— Он сел и, набивая трубку, подмигнул Франсуа.— Ты знаешь, она ведь не так уж проста, моя мадам Жауан. Это еще разобратся надо, кто у нас в доме главный... Ну ладно, тебе пора возвращаться.

Франсуа спрыгнул на берег и зашагал в замок. Приближаясь к дому, он увидел, что «бентли» Ван

дер Троста подъезжает к изгороди. Что бы это значило? Голландец изменил решение — или хочет осмотреть другие участки поместья, которые не видел в прошлый раз? Франсуа ускорил шаг. Машина мягко остановилась, продемонстрировав отличную работу амортизаторов. Просто чудо, а не автомобиль! Ван дер Трост открыл дверцу.

— Гутен таг. Хойте... Ох, извините. Здравствуйте, это опять я. Вы разрешить сделать несколько снимков? Мадам Ван дер Трост хотела бы знакомиться с замком.

— Понятно,— кивнул Франсуа.— Что бы вы хотели сфотографировать?

— Все... Вы понимаете... весь ансамбль.

— Я помогу вам.

— Садитесь рядом, молодой человек. Я хотел бы... особенно... самое средневековое.

— Хорошо, тогда надо начинать с северного крыла.

— Очень хорошо. Северное крыло.

Он снял трубку внутреннего телефона и сказал несколько слов. Машина тронулась. Ход ее был так мягок, что Франсуа показалось, что он уносится в небо на ковре-самолете. Мальчик был хорошо воспитан и не стал открыто выражать свое удовольствие, но он не мог не восхищаться кожаной обивкой сидений, деревянной отделкой, вмонтированным баром и откидным столиком. Оторвав глаза от всей этой роскоши, Франсуа удивился, как незаметно они подъехали к величественным башням Кермола.

Ван дер Трост постучал золотым кольцом с печаткой в стекло, отделявшее его от шофера. Машина остановилась.

— Гут! — сказал голландец.— Здесь.

Шофер открыл дверь, и Ван дер Трост настоял, чтобы Франсуа вышел первым. «Он принимает

меня за потомка Бригоньяна», — подумал польщенный в глубине души Франсуа.

«Бентли» медленно развернулся.

— Генрих будет ждать нас на другой стороне, — объяснил Ван дер Трост.

Он достал из кожаного чехла дорогуший фотоаппарат, прикрепил к нему длиннофокусный объектив, отчего невинный аппарат стал похож на маленькую пушку, и тотчас же навел его на башню. Время от времени голландец щелкал затвором и шепотом выражал свой восторг:

— Гут... гут...

Франсуа нравилось, когда кто-то хвалил Кермол, но все же он предпочел бы, чтобы голландец был более сдержан в выражении своего восторга. Однако поскольку Франсуа уже оказался втянутым в эту игру, он сам искал и показывал Ван дер Тросту, что надо снимать.

— Это северо-западная угловая башня. Возьмите ее немного снизу, на фоне вон того облака.

— Да, люблю, хорошо!

— А вот и Маргарита Жауан. Снимите, как она вытрясает ковры. Обратите внимание на прическу...

— Ах! Прическа! Прекрасно! Это для мадам Ван дер Трост.

— Кстати, сегодня вечером приезжают мои родители. Они уже звонили.

— Я восхищен! Я завтра же им представлюсь, если это есть возможно. И может быть... мы будем договориться?

— Может быть.

Франсуа вдруг разонравилась эта охота за видами. Что же это он делает? Ведь он предает Кермол — ни более ни менее. Мальчику стало стыдно, что он сидел в машине будущего владельца Кермола. И именно в этот момент его осенило.

Ведь «бентли» от самой изгороди точно следовал маршрутом лошади-призрака — и даже остановился в том же месте, где и лошады! А ведь именно там он нашел загадочного раненого...

Конечно, это чистое совпадение! На самом деле, решив ехать в направлении северного крыла, они не могли не повторить тот же маршрут, каким каждую ночь шла лошадь.

Но все-таки это любопытно... Великолепная машина, которую не слышно, и кошмарная лошадь, которую не видно, — может быть, это одно и то же волшебство, проявляющееся то в своем дневном обличье, то в ночном? Без Козыря был достаточно взрослым для своего возраста, но в душе он еще не утратил детской привязанности к сказкам. Эта мысль показалась ему красивой. Она ему нравилась, вот только Ван дер Трост несколько не вязался с его представлением о графе де Треворе!

Откуда у этого человека такой интерес к Кермолу? Этот производитель цемента намеревается приобрести руины старинного замка, чтобы удовлетворить свое тщеславие. Какова же истинная причина этого?

— Я уезжаю, мой юный друг.

Без Козыря вернулся к действительности.

— Простите, я задумался.

Они были уже у южного фасада. «Бентли» ждал под окнами Жауанов.

— Передайте привет вашим родителям.

— Непременно.

— Спасибо.

Ван дер Трост подошел к лимузину. Генрих, человек с лицом робота, уже стоял у дверцы — фуражка у груди, ноги по стойке «смирно»... Взгляд Без Козыря упал на блестящие пуговицы его мундира, и мальчик чуть не вскрикнул.

Дверца машины тихо закрылась. «Бентли»

плавно двинулся в путь. Ван дер Трост помахал Франсуа рукой.

Может ли такое быть?

Без Козыря пошарил в кармане и вынул пуговицу, которую взял из руки раненого. Сомнений нет. Это была пуговица Генриха.

ВИЛЛА «ЧАЙКИ»

Без Козыря застыл на месте.

Итак, эта деталь, на которую он раньше не обратил внимания, могла оказаться концом нити, которая приведет его к разгадке. Незнакомец дрался с Генрихом. Видимо, каждый из них хотел завладеть золотой лошастью. Но какую роль во всем этом играл Ван дер Трост? По его ли приказу действовал шофер? Знаком ли голландец с раненым? И какое отношение все эти интриги имеют к Кермолу?.. Невозможно ответить сразу на столько вопросов.

Но можно начать с простого, а именно: навести справки о голландце и его шофере. После грозы погода меняется к лучшему, и можно совершить прогулку на велосипеде и поискать виллу «Чайки».

В голове Без Козыря рождалась масса проектов. Он, Франсуа, выиграет эту партию в одиночку. Как? Очень просто — наблюдая за Генрихом. Или, точнее, за передвижениями «бентли». Такая машина не может остаться незамеченной. Следовать за ней на велосипеде, конечно, не удастся, но если умело опросить местных жителей, можно многое узнать. Через Генриха Без Козыря выйдет на раненого, который, наверное, полон желаний отомстить. Франсуа вырвет у него секрет золотой лошади и заодно узнает, зачем другая лошадь — та, невидимая, — приходит в Кермол. У него на ру-

ках лучшие козыри — молодость и азарт. Ему повезет!

Мальчик был вне себя от нетерпения. Ему с большим трудом удавалось сдерживать свое волнение.

Жан-Марка он нашел в гараже, где тот заканчивал ремонт машины. На лбу у юноши красовалось черное пятно, руки были в масле.

— Ты не мог бы вытереть мне лоб? — попросил он. — Платок у меня в кармане... Спасибо. Я почти закончил. Зажигание не действовало.

— Это не саботаж?

— Нет. Но она такая старая, что почти все время саботирует, бедняжка!

«Сказать ему? Или не говорить? — терзался Без Козыря. — Он мой самый лучший друг, почти брат. Я обязан ему рассказать!»

Однако он так и не решился это сделать. Все-таки он должен распутать это дело сам. Его отец так же себя ведет, когда ему достается особенно трудная защита. Из него слово невозможно вытянуть, он даже не улыбается.

Кроме того, Без Козыря не хотел подвергать друга опасности. Кто знает, как повернется дело? К тому же Жан-Марк может ему и не поверить. В общем, надо сначала взвесить все «за» и «против».

Подходил час обеда. Жан-Марк возился в гараже, дядюшка Жауан отдыхал. Тоска стояла смертная... Впрочем, чем это не тренировка для начинающего следователя? Ведь сыщик должен уметь ждать, расслабившись, как прыгун перед решающим броском. Без Козыря ходил по саду, стараясь ни о чем не думать, но все же краем глаза следил за стрелками часов.

Наконец все сели за стол. Разговор пошел о Робьонах: на дорогах пробки, бывают аварии, да и

холодно сегодня... Перед десертом Без Козыря общил, что хотел бы после обеда прокатиться на велосипеде. Сказал он это таким спокойным голосом, что никто и не подумал его расспрашивать, даже Жан-Марк, который был занят только своей машиной. Без Козыря пообещал Маргарите, что вернется задолго до приезда родителей. Он просто прокатится, чтобы очистить легкие после долгой парижской зимы. Конечно, он будет осмотрителен и не станет ехать слишком быстро.

И вот он тронулся в путь. Мальчик ехал по тропинке, оставшейся со времен войны. Тропинка вилась среди цветов до самого Портсподера. А там сразу же начались трудности. Продавщица в табачном киоске, к которой он обратился, завела оживленную дискуссию с одной из покупательниц.

— «Чайки»?.. Кажется, это та большая вилла, что на выезде из поселка?

— А куда надо поворачивать, направо или налево?

— Скорее направо, если смотреть со стороны моря...

Без Козыря едва удалось вставить слово.

— Арендует виллу один голландец, у него огромный «бентли».

— Огромный — что?

— Это такая английская машина, серого цвета.

— А, английская машина... тогда это мсье с виллы «Баклан».

— Да нет же! Он говорил, что живет в «Чайках».

Все эти «Чайки», «Бакланы», «Буревестники» —

их здесь не счесть. Без Козыря получил еще один урок — добиться чего бы то ни было можно только проявив недюжинное терпение и настойчивость. В конечном итоге эти качества помогли ему найти верную дорогу.

Вилла Ван дер Троста находилась в полукилометре от поселка. Это был большой дом, полускрытый сосновой рощицей, благодаря чему Без Козыря смог подойти к вилле совсем близко. Теперь от «Чаек» его отделяли только тропинка и двухметровой вышины стена, окружавшая поместье. Поскольку мальчик стоял на холме, он мог видеть парк, сам дом и с левой стороны длинное здание с маленькими окошками и двустворчатыми дверьми — видимо, конюшню.

Без Козыря влез на сосну. Действительно, конюшня! Генрих с засученными рукавами рубашки шел по двору с охапкой соломы. Значит, там спрятана лошадь! Но какая лошадь?..

Шофер вошел в конюшню. Без Козыря вытянул шею, чтобы лучше видеть. Он все бы сейчас отдал, чтобы заглянуть внутрь! И вдруг до него донеслись глухие удары. Похоже, что разбушевавшаяся лошадь лягала перегородку. Мальчика осенила безумная идея. А что, если Ван дер Тросту удалось захватить лошадь-призрак, если сделал он это в предыдущую ночь и если в этой схватке один из его лакеев пострадал от удара копытом? Но где же тогда золотая статуэтка?..

Как бы там ни было, у Ван дер Троста была лошадь. Вряд ли он на ней ездил — при таком-то автомобиле... К тому же голландец был слишком толст. Но если он действительно приехал совсем недавно, зачем было сразу же покупать лошадь? Загадка усложнялась.

Генрих наконец вышел. Он направился к колонке, помыл руки, вытер их платком, закурил сигаре-

ту. Потом подошел к конуре, которую Без Козыря вначале не заметил. Оттуда вылезла великолепная немецкая овчарка, и шофер спустил ее с цепи. Собака с лаем запрыгала вокруг него, и Без Козыря еще сильнее прижался к стволу. Он знал, что у овчарок прекрасный нюх; не хватало только, чтобы она его обнаружила... Но, к счастью, собака его не учуяла. Она бегала вокруг шофера, покусывая ему ноги и кидаясь вслед за якобы брошенным им камешком... Словом, в «Чайках» царило хорошее настроение. Потом собака подбежала к двери дома и застыла, нетерпеливо скуля. Вот наконец появился Ван дер Трост, и какие тут начались прыжки и повизгивания! Но эта идиллическая картинка — совсем не то, ради чего пришел сюда Без Козыря. Он собирался расследовать запутанное дело, а эта овчарка отнюдь не облегчала ему задачу.

К счастью, по приказу Ван дер Троста шофер вошел в дом и вскоре вернулся, застегивая свою куртку. Радость собаки удвоилась; она побежала за Генрихом. Шофер открыл дверь гаража, и оттуда торжественно выплыл серый лимузин. Собака была уже внутри. Ван дер Трост уселся рядом с шофером, и машина покатила к воротам. Выехав на улицу, Генрих тщательно запер их за собой.

Поместье опустело. Кажется, Без Козыря везет; но не стоит радоваться раньше времени. Мальчик спустился к воротам — и только теперь понял, что стена, окружающая поместье, для него слишком высока. Он отправился в обход, предпочитая как можно скорее уйти подальше от дороги. Задняя часть стены оказалась полуразрушенной; цепляясь за многочисленные выбоины, Без Козыря легко взобрался на нее. Еще одно усилие — и вот он уже внутри.

Перед ним были запущенный огород, оранже-

реи с разбитыми стеклами и выломанными рамами. Дом с этой стороны казался слепым; все окна были закрыты. Без Козыря осмотрелся. Конюшни отсюда видно не было: ее закрывал дом. Мальчик зашагал вверх по аллее. Да, сад в ужасном состоянии; впрочем, Ван дер Трост приехал сюда ненадолго и эта часть поместья вряд ли его интересует.

Не успел Без Козыря задуматься над тем, каким образом войти во двор дома, как заметил маленькую калитку, которая как раз соединяла двор с садом. Везение продолжалось! Калитка была закрыта всего лишь на задвижку. Вот Без Козыря уже во дворе... Слева от него возвышался дом, а справа, как он и рассчитывал, находилась конюшня. Теперь придется рискнуть...

Мальчик признался себе, что ему немного страшно. Кроме того, ему было не по себе от того, что он, словно вор, тайком проник на чужую территорию. Конечно, для этого были причины; если бы шофер Ван дер Троста не оказался накануне ночью в поместье Робьонов... В общем, он первый начал! «Я расскажу все папе, и он рассудит. Это его профессия!» — успокоил себя Без Козыря и храбро вошел во двор.

Без Козыря шагал очень спокойно, чтобы показать возможным наблюдателям, что он вроде бы родственник голландца. Если его кто и заметит через забор, то не удивится. А вот и стойло... Лошади не слышно. Без Козыря толкнул дверь...

Ну и где же она? Никакой лошади нет! Это место действительно было когда-то конюшней, но теперь оно пусто, и, видимо, давно. Без Козыря сделал пару шагов. За дверью лежала груда деревянных ящиков; между досками вылезала солома. На одном из ящиков он заметил молоток и гвозди.

Значит, то, что он принимал за удары копыт, на самом деле было стуком молотка?

Без Козыря был озадачен. Никогда он не станет хорошим следователем, он слишком много воли дает своему воображению! Эти добрые люди мирно упаковывали честно приобретенную посуду, а какой-то бездельник вздумал подозревать их в некой связи с загадочной лошадью, которая... Просто плакать хочется!

Однако! А пуговица? Она от куртки Генриха, а оказалась в руке раненого!

Без Козыря остановился в полной растерянности. Получалось, что ему здесь больше нечего делать? Это было обидно, и он решил пока не отступать. Еще ведь оставался дом! Одно из окон было приоткрыто, ничего не стоило залезть внутрь. Пусть конюшня оказалась пустой, но, может, золотая лошадка спрятана где-то в двух шагах от него?

Мальчик остановился, ругая себя на все корки. Он выдумщик, он бредит, он неисправим... Но в то же время он понимал, что было бы совсем не плохо разузнать поподробнее о Ван дер Тросте. Франсуа осторожно толкнул створку окна и скользнул внутрь с такой ловкостью, что это удивило его самого.

Он оказался в столовой. Самая обычная мебель, видно, взятая напрокат. На стенах банальные пейзажи. Тишина. Странно, что агентство по найму не прислало даже горничную! Без Козыря крадучись прошел в прихожую и осмотрелся. Скучная гостиная, еще две комнаты непонятного назначения с окнами на огород, кухня, которой, похоже, никто не пользовался. Видимо, голландец и его шофер питались в гостинице.

Франсуа тихо поднялся на второй этаж. Первая комната направо — это кабинет Ван дер Трос-

та. Интересно! Без Козыря тщательно осмотрел комнату, но не нашел ничего заслуживающего внимания, кроме футляра для сигар и карты Кермола, расстеленной на столе. Карта явно взята у нотариуса, у Дюшизо была такая же. Так что пока все нормально.

Вторую комнату направо тоже занимал хозяин. В шкафу было разложено его белье, на вешалке висели костюмы. Здесь еще не убрали; пижама голландца валялась на середине кровати. Не исключено, что Ван дер Трост даже не знал, что творится вокруг него. Может, его шофер — прохвост, а сам он вполне порядочный человек?.. Без Козыря пересек коридор, толкнул дверь третьей комнаты... И остановился, затаив дыхание.

Комната была погружена во мрак; окна закрывали тяжелые занавеси. При свете ночника Без Козыря заметил широкую кровать и на ней, похоже, спящего человека. Лежащий ровно дышал — да, он точно спит. И по мере того как глаза Без Козыря привыкали к темноте, лицо человека начинало казаться ему знакомым. Раненый! Голова у него была забинтована, черты лица и его выражение слегка изменились, но это был он.

Без Козыря медленно обвел взглядом столик у кровати, где лежал пакет ваты, стояли большая бутылка эфира, кувшин, стакан, баночка с таблетками. Потом он принялся рассматривать мебель — и замер, пораженный... На столе посреди комнаты стояла статуэтка золотой лошадки!

Без Козыря бесшумно пересек комнату и взял статуэтку. Его рука ее тоже узнала. Что же все это значит? На сей раз уже невозможно было поверить, что Ван дер Трост не знает, что происходит у него на вилле. Что он замышляет? Кто этот человек, мирно спящий в пустом доме? Видно, ему дали снотворного... Судя по его виду, он уже почти

оправился от последствий драки. Одежда раненого была сложена на стуле. Без Козыря быстро ее ощупал. Документов по-прежнему нет!

Никогда еще Без Козыря не попадал в такое трудное положение. Если обратиться в жандармерию, придется объяснять, как он оказался в доме Ван дер Троста, и тогда еще неизвестно, у кого будут неприятности. Если же он ничего не предпримет, ночной незнакомец может вообще исчезнуть. Если Ван дер Трост схватил его ночью во время бегства из замка, то сделал это, наверное, не потому, что хотел оказать раненому помощь и предоставить ночлег. Может быть, они его преследовали, когда Без Козыря в поисках лошади-призрака натолкнулся на тело? Итак, надо скорее принимать решение! Без Козыря попал в стан разбойников!..

Он пошел к двери — и вдруг услышал внизу голоса. Слишком поздно! Франсуа забыл, какой неслышный ход у «бентли»... Автомобиль влетел во двор, как легкий ветерок, и теперь Без Козыря в плену, он пропал! Жауаны думают, что он прогуливается на велосипеде по окрестностям, а он в ловушке, в руках у опасных бандитов! Он беспомощен, у него... ни единого козыря на руках! Вся надежда на его всегдашние выдержку и находчивость. Мальчик уже слышит скрип половиц под тяжелыми шагами и смех Ван дер Троста, громкий смех жестокого человека. К счастью, собака осталась внизу.

Без Козыря вытирает пот со лба и ищет, куда бы спрятаться. Остаются считанные секунды... Шторы! Он подбегает к окну; за шторами как раз достаточно места для такого мальчика, как он. Франсуа прижимается к окну, но, поскольку его любопытство все же сильнее страха, выглядывает в щель между шторами.

Шаги хозяина разбудили раненого. Он садится, пытается встать на ноги. Входит Ван дер Трост, за ним шофер. Незнакомец явно испуган. Он прижимается к спинке кровати, словно боясь удара... Но у Ван дер Троста, похоже, совсем не воинственное настроение. Он вынимает сигару и не спеша закуривает. Затем начинает говорить. Но понять его невозможно: он говорит, видимо, по-голландски... Или нет? Без Козыря начинает улавливать отдельные слова. Это, оказывается, немецкий; а ведь они проходят в лицее этот язык! Зачем только он его так запустил?.. Может быть, сейчас знание немецкого могло бы спасти ему жизни! Франсуа дает себе слово, что, если выберется отсюда, непременно наверстает упущенное.

Ван дер Трост улыбается, показывая сначала на Генриха, потом на раненого. Генрих тоже произносит несколько слов, которые, похоже, успокаивают незнакомца. Он пожимает плечами и машет рукой, как бы говоря: «Да ничего, уже прошло!» Отстегнув булавку, скрепляющую бинт, он развязывает голову и снимает вату, которой был прикрыт кровоподтек. Ван дер Трост наклоняется.

— Зер гут! — объявляет он с довольным видом и несколько раз похлопывает незнакомца по плечу.

— Энтшульдиген зи, — говорит Генрих.

Это Без Козыря понял. Это означает, что Генрих просит прощения. Но за что? Никогда еще любопытство не распирало мальчика до такой степени. И вот он уже видит, как Генрих пожимает руку раненому, а тот снова садится в постели, и вид у него теперь вполне здоровый.

Ван дер Трост обходит стол и приближается к окну. Неужели он раздвинет шторы?! На какое-то время Без Козыря теряет его из виду, но ему слышно, что голландец выдвигает какой-то ящик и

что-то при этом бурчит. Вот он оказывается совсем рядом, его огромная спина закрывает мальчику видимость, и вдруг... раздается выстрел! Неужели голландец убил беззащитного человека, которого только что успокаивал дружескими речами?!

«Я влип!» — в панике думает Без Козыря.

Но Ван дер Трост возвращается к кровати, и Без Козыря снова видит сквозь щель между шторами всю комнату. Голландец потрясает чем-то дымящимся. Это бутылка шампанского! Он протягивает стакан незнакомцу, наполняет его доверху, затем наливает Генриху и себе.

— Ваше здоровье! — говорит он по-немецки.

Сердце Без Козыря, на минуту остановившееся, снова начинает бешено биться. Он опирается на подоконник: ноги его не держат. А эти трое тем временем весело беседуют, и Ван дер Трост произносит что-то вроде короткой речи. Без Козыря улавливает отдельные слова: «поместье... часовня... алтарь». Поместье — это, конечно, Кермол. А часовня — это часовня Прощения. Но зачем ему сдался алтарь?

— Это нетрудно, — отвечает незнакомец тоже по-немецки.

О чем он говорит? Что нетрудно? Что они замышляют? Значит, незнакомец стал их союзником? Без Козыря уже совсем запутался. А если они достигли согласия, то бесполезно искать помощи на стороне. Они договорятся между собой, как отвечать на любые вопросы... Теперь главная задача Без Козыря — выбраться отсюда. Но как?

Незнакомец встает, ставит стакан на стол рядом с золотой статуэткой и начинает одеваться. Судя по тому, как он быстро двигается, раненый полностью восстановил силы. Из ящика прикроватной тумбочки он вынимает портмоне, связку ключей и платок. Может, теперь они уйдут? Да,

вот они выходят, оставляя зажженный ночник...

Без Козыря напряженно прислушивается. Ему надо быть очень осторожным! Лестница скрипит под шагами трех человек, затем слышно, как они пересекают прихожую. Они уже достаточно далеко, шаги затихли, но они еще в доме: дверь не хлопала. Без Козыря, одеревеневший от долгого стояния, выходит из своего укрытия и прислушивается. До него доносятся далекие голоса: значит, частично путь свободен. Мальчик осторожно спускается, стараясь, чтобы ступеньки не скрипели, и пытается определить, где находятся его противники. Оказывается, они в комнате рядом с кухней. Без Козыря проскальзывает в столовую, начинает перелезать через подоконник — но вовремя успевает отдернуть ногу, услышав угрожающее рычание. Вблизи эта собака просто великолепна!

Во-первых, она огромная, но самое страшное в ней — ее глаза, в которых светятся ярость, ум и фанатичная преданность. Овчарка знает, что должна быть беспощадной. Любого незнакомца, который не представлен ей хозяином, она принимает за врага. Она усаживается под окном, вытянув морду, наострив уши, готовая в любую минуту, как стрела, броситься на противника. И в то же время она презирает врага. «Тебе не уйти, как ни старайся. Я все равно буду у тебя на пути, потому что я все продумала и все рассчитала!»

Чтобы не раздражать собаку еще больше, Без Козыря скрывается в комнате. Он испугался, когда ему показалось, что Ван дер Трост выстрелил, но это было ничто по сравнению с той паникой, которая овладела им при виде овчарки. Даже с самым опасным бандитом можно вести переговоры, но эта собака неумолима, как кобра, как акула... Ужасная, моментальная смерть... Без Козыря смотрит на часы. У него еще есть время подумать, если

банда голландца предоставит ему такую возможность. Он вспоминает, что есть еще другое окно — в гостиной. Оттуда он сможет видеть собаку, но она его не заметит, если он будет осторожен. Одно из двух: или собака не будет спускать глаз с окна, где видела человека, или ей это надоест и она вернется в свою конуру. Пока у Без Козыря есть преимущество, но как его использовать? Он, конечно, не успеет пробежать по двору те пятьдесят метров, которые отделяют окно от стены. Собака догонит его в три прыжка.

Собрав все свое мужество, Без Козыря медленно открывает дверь салона. Теперь голоса мужчин слышны отчетливее: они в соседней комнате. Мальчик направляется к окну, раздвигает шторы...

Собака уже здесь. Значит, она следовала за ним с внешней стороны дома, ведомая инстинктом, который безошибочно подсказывал ей направление передвижений противника. Шерсть на голове собаки стоит дыбом, она обнажила клыки, острые, как кинжалы. Без Козыря закрывает шторы. Ему ужасно хочется упасть куда-нибудь на диван, на стул, на ковер,— до такой степени он обессилел. А что, если он вдруг постучит в дверь соседней комнаты и появится перед Ван дер Тростом? «Извините, я проезжал мимо, увидел вашу виллу, и мне захотелось вас поприветствовать». Он все-таки сын мэтра Робьона, а не кто-нибудь! Они могут удивиться, но они его не тронут.

Нет, этот проект не годится — и опять-таки из-за собаки. Как он мог достичь виллы, не вызвав ее ярости? Если собака не подняла тревогу, значит, Без Козыря на вилле уже давно. И что он здесь делает, спрашивается? Шпионит?..

Круг замкнулся. Ему не убежать. Или нет... есть еще один путь! Через огород! С первого этажа туда пробраться невозможно, потому что мужчины

находятся как раз в той части дома, а вот со второго... Без Козыря тихонько выходит из комнаты, снова поднимается вверх по лестнице и входит в комнату, где лежал раненый. Мальчик открывает окно, которое, к счастью, не скрипит, и прикрепляет ставни крючками к стене. Он не ошибся: окно действительно выходит в огород. Спуститься вниз можно по водосточной трубе. Без Козыря не зря занимался спортом.

Но собака опять здесь, теперь уже с этой стороны дома. Как она сюда пробралась, дьявольское создание? Она заняла позицию прямо около трубы, как будто разгадала намерения мальчика. Хоть плачь!

Без Козыря садится на кровать, чтобы немного собраться с мыслями. Что делать? Можно подумать, дом окружен целой сворой собак! Как эта овчарка умудряется возникать под каждым окном? А еще ведь есть три человека, не менее опасные, чем собака! Хоть бы оружие какое было... Но перед ним только кувшин, пакет ваты, бутылка с эфиром, баночка с таблетками... снотворное?

А если напоить овчарку водой со снотворным? Тогда она заснет... Но нет, эта собака наверняка ест и пьет только то, что дает ей хозяин. И, кроме того, Без Козыря даже не представляет себе, как протянуть стакан воды этому хищнику. Голова несчастного мальчика готова разорваться от распирающих ее мыслей... И все-таки выход надо найти. Эфир? А что можно сделать с этой бутылкой?

Ничего. Без Козыря не видит ей применения. Вот разве что...

Он берет бутылку и вынимает из нее пробку. По комнате тотчас же распространяется едкий запах эфира. Мальчик снова затыкает бутылку. Подумаем... Как говорится, тише едешь, дальше будешь. Без Козыря встает с кровати, оглядывается

кругом и видит трость. Он прикидывает на руке ее вес... Ну что же, надо рискнуть! Но он должен быть очень, очень осторожен... Достаточно ли в бутылке жидкости? К счастью, повязка с головы незнакомца еще здесь, валяется на кровати. Без Козыря вытаскивает из нее большой клок ваты и плотно обматывает конец трости. Затем он обвязывает вату бинтом и для прочности еще закрепляет булавкой. На конце трости появляется белый набалдашник. Без Козыря направляется к окну...

Собака по-прежнему там, напряженная, решительная, сильная. — «Сейчас я тебя кое-чем угощу, старушка...» — думает Без Козыря. Он открывает бутылку и быстро выплескивает на тампон половину ее содержимого. У него самого начинает кружиться голова, но он успевает тщательно закрыть бутылку и спрятать ее в карман.

Потом он перелезает через подоконник. Осторожно! Только бы не сделать ложного движения. Вытянув вперед руку с тростью, мальчик нащупывает левой рукой водосточную трубу и, встав одной ногой на железную скобу, почти прилипает к стене, как альпинист к скале, и начинает осторожно спускаться вниз. Собака готова к прыжку! Без Козыря наблюдает за ней... Расстояние между ними сокращается... Левая рука Без Козыря побелела от напряжения. Собака немного отступила, чтобы удобнее было броситься на врага. И тут Без Козыря бросает в нее трость! Незнакомый, ужасный запах настигает собаку. Ворча, она отползает назад. Теперь противник для нее уже не тот щуплый силуэт, который дрожит недалеко от нее, а вот эта палка, несущая смерть. В глазах собаки вспыхивают красные огоньки. Она хочет броситься на палку, но натывается на этот ужасный запах. От страха ее тело покрывается испариной, мускулы сводит, из пасти каплет пена. Собака еще видит

ненавистный силуэт, но у нее уже нет сил броситься на него. Она хотела бы рычать, рвать врага на куски, но она может только ползти за ним на почтительном расстоянии и смотреть, как он медленно удаляется от нее в направлении стены. Враг этот совсем неопасный, он мал, худ, у него испуганное лицо, и рука, держащая палку, дрожит. Запах обволакивает собаку со всех сторон, проникает в пасть, наполняя ее сладковатым привкусом. Собака стонет; она не может смириться, что упускает свою добычу. Вот ее враг уже на стене. Собака из последних сил пытается броситься на него... Но что-то в ней как будто рвется на куски, она отползает назад, приподнимается на негнущихся ногах и хрипит.

Без Козыря спрыгивает со стены на дорогу и бросается бежать. Вот он уже в сосновом лесу, где недавно оставил свой велосипед. Мальчик садится на него и, подгоняемый страхом, изо всех сил жмет на педали. Он начинает тормозить только где-то в километре от селения. Спрыгнув с велосипеда, Франсуа падает на траву возле дороги и лежит, потихоньку освобождаясь от напряжения, которое все еще сжимает его грудь. Но он горд собой! Как здорово он догадался использовать эфир! А ведь совсем уже было решил, что все потеряно. Вывод: никогда не надо терять хладнокровия. Лежа на спине, мальчик смотрит в небо, на бегущие мимо облака. Как прекрасна жизнь, особенно после того, как ты избежал смертельной опасности! Без Козыря смеется, представляя себе лица бандитов, когда они обнаружат открытое окно и пропажу бутылки эфира. Но сколько бы они ни искали, им никогда не понять, что же произошло...

Без Козыря одергивает себя. Нельзя расслабляться, ведь тайна лошади-призрака еще не разгадана!

Итак, в путь! У него много дел. Сегодня непременно надо съездить еще в одно место... Без Козыря крутит педали и смотрит на приближающийся Кермол. Солнце мирно освещает его крыши, и никто в замке не подозревает, какое жуткое приключение только что пережил Франсуа Робьон.

Маргарита в кухне готовит что-то благоухающее.

— Что это такое?

— Сюрприз.

— Ну скажи!

— Ну ладно, это рыба под винным соусом, которую так любит хозяин.

— А где Жан-Марк?

— Повез машину на техосмотр. Я точно не поняла, но он говорил, что там как будто электричество не действует.

— Ясно.

— Ты хорошо погулял?

— Неплохо.

— Если тебе жарко, переоденься. Не заболей, момент для этого неподходящий. Что скажет мадам?

Без Козыря поднимается в свою комнату, берет фонарь. Может быть, понадобятся и инструменты, но это потом; в случае необходимости всегда можно вернуться. Алтарь... Похоже, это алтарь часовни Прощения. Что там? Тайник? Внутри алтаря? Нет смысла гадать. Ясно одно — эта подозрительная троица интересуется часовней и ее алтарем. Почему? Не связано ли это с контрабандой? Если Ван дер Трост готов купить Кермол за любую цену, это означает, что расположение замка на берегу моря, на пустынной равнине, таит в себе какие-то преимущества.

А золотая лошадка? Может, это был своеобраз-

ный пароль? «Хватит, а то я опять запутаюсь», — обрывает себя Без Козыря.

Через пять минут он уже входит в часовню — и сразу принимается осматривать пол вокруг алтаря.

БУНКЕР

Чуть ли не полчаса Без Козыря простукивал каблуком плитки, покрывающие пол. Наконец он совсем взмок и остановился, поняв, что зря теряет время, что этот сомнительный след вряд ли приведет его к цели. Минуту он отдыхал, стоя перед часовней и глядя на море. Что это он так разволновался? Действительно, он был свидетелем странного происшествия; но есть ли у него серьезные основания считать Ван дер Троста преступником? Уж не появляются ли у него, сына адвоката, прокурорские замашки? «Отцу бы это не понравилось!» — подумал мальчик и впервые признался себе, что вряд ли родители придут в восторг, выслушав его рассказ. Во-первых, Ван дер Трост намерен купить Кермол, и он единственный реальный покупатель. «Меня посчитают глупеньким, — думал Без Козыря, — и попросят не лезть не в свое дело. И они будут правы! Хотя эта часовня...»

И он снова принялся за работу. Мальчик сдул песок с каменной плиты, тщательно вытер ее, внимательно осмотрел зигзагообразные трещины, покрывавшие ее поверхность. Острым концом перочинного ножа он прочистил каждую трещину, надеясь найти более глубокие бороздки. И пока руки его были заняты делом, он меланхолично продолжал свой внутренний монолог: «Собственно говоря, что я хочу найти? Неужели я надеюсь, что эта плита вдруг сдвинется и откроет подзем-

ный ход в виллу «Чайки»? Нет, я все-таки не настолько глуп. В этих местах есть и другие часовни, и другие алтари. Ван дер Трост, может, просто любитель старины. Но тогда почему у него в доме оказался раненый?.. И все равно с этим ножичком в руках я выгляжу ужасно глупо!»

Без Козыря сложил перочинный нож и уселся на гранитную ступеньку перед алтарем. Вечерело. Скоро приедут родители. «А жаль! Эти каникулы обещали быть очень интересными. История с лошадью-призраком просто великолепна. А золотая лошадка чего стоит! И даже эта злая собака... С завтрашнего дня жизнь снова станет скучной. Вечером меня станут заставлять рано ложиться спать, а днем будут советовать позаниматься немецким. А Ван дер Трост купит Кермол, и я сюда уже никогда больше не вернусь. И тайна так и не будет раскрыта!.. А я, кстати, рискую простудиться».

Без Козыря потрогал рукой затылок. На него явно дуло — видимо, из открытой двери. Мальчик обернулся — и замер, стоя на коленях перед алтарем. Сомнений нет. Он чувствовал движение воздуха. Тогда Франсуа закрыл глаза. Кожа век более чувствительна, и он сразу понял, откуда идет холодный воздух. Без Козыря наклонился, чтобы лучше рассмотреть основание плиты алтаря. Она покоилась на массивном цоколе, скульптурные украшения которого были сильно повреждены влагой. Сквозило из узкой щели, которая темной полоской отделяла цоколь от плиты. В голове у Без Козыря снова родилась мысль о подземелье. Раз оттуда идет воздух, значит, там пустота; следовательно...

Он всем своим весом надавил на правую часть плиты — но только сделал больно животу. Затем мальчик попытался надавить на левую часть. Ника-

кого результата. Разумеется, силой тут ничего не достигнешь. Те, кто строил алтарь, конечно, предусмотрели какой-то способ его открыть... Итак, немного смекалки! Каменная плита на алтаре должна, видимо, двигаться вдоль цоколя, как крышка пенала. Надо попробовать подтолкнуть ее вбок...

Без Козыря встал у самой узкой части алтаря, уперся спиной в стену и, поставив ноги на край плиты, изо всех сил надавил на нее. Он чуть было не упал! Плита сдвинулась на полметра, причем точно так, как Без Козыря и рассчитывал. Гулкое эхо прокатилось вверх, к куполу часовни. Потрясенный, Без Козыря боялся пошевелиться. Значит, чудо свершилось! И, значит, когда Ван дер Трост говорил об алтаре, речь шла именно об алтаре часовни Прощения. А раненый незнакомец наверняка набил себе шишку, осматривая пещеру! Пещеру, которая открывалась сейчас перед мальчиком... Без Козыря казалось, что в голове у него зажегся яркий свет, который разом стер все вопросы и высветил ответы. Теперь он знал! Или, по крайней мере, был близок к разгадке. То, что трое взрослых людей сделали с помощью немалых денег и немалых усилий, он совершил сам, один! Без Козыря был горд. Но в то же время ему было страшно.

Мальчик наклонился над входом в подземную часть часовни. С помощью фонарика (какой он молодец, что догадался захватить его с собой!) он разглядел ступени, ведущие вниз, в пещеру. Спуститься? Он посмотрел на часы: десять минут шестого. Да, надо спешить!

Без Козыря нащупал ногой узкую лестницу и, насчитав восемь ступенек, спустился на землю. Он осмотрел стены, обведя их лучом фонарика. Помещение напоминало каменный погреб, причем впол-

не современный. Это очень удивило мальчика. Он-то думал, что окажется прямо в средневековье!

Перед ним расходились две галереи. Левая была более просторная, там легко было встать во весь рост. Именно туда и направился Без Козыря, разглядывая бетонные стены, выглядевшие совсем как новые. Издалека слышался невнятный шум. Похоже на шум моря...

И вдруг Без Козыря понял: он находится в одной из галерей системы немецких укреплений, и этот коридор приведет его к какому-нибудь тщательно замаскированному бункеру. Мальчик не припоминал, чтобы местные жители говорили о каком-то бункере; но кто может знать все помещения этой огромной подземной крепости? Оккупанты, расположившиеся в Кермоле, построили ее, видимо, на случай бомбардировок.

Галерея заканчивалась, шум моря становился все слышнее, и в лицо мальчику дохнуло свежим ветром. Еще десять шагов, и...

Он описал фонариком дугу, и в темноте заблестели тысячи огоньков. Это было так неожиданно, что мальчик инстинктивно погасил фонарь, чтобы скрыться от гнездящихся в темноте чудовищ, готовых напасть на него. Но никто на него не бросился, и Без Козыря снова зажег фонарик. Всюду, куда попадал луч, начинали блестеть огоньки. «Я брежу,— сказал себе Без Козыря.— Кажется, я все же сошел с ума».

Он подошел к стене — и увидел грубо сколоченные деревянные полки, снизу доверху уставленные драгоценными статуэтками, великолепными вазами, церковными дароносицами и реликвиями; свет фонаря причудливо отражался в золоте и драгоценных камнях. Это была настоящая пещера Али-Бабы!

Глаза у Без Козыря разбегались. Каждую се-

кунду из темноты выплывали все новые сокровища. Были здесь и картины, затянутые мешковиной, а также золотая и серебряная посуда.

Были и пустые полки со следами пальцев на слое пыли. Сокровища кто-то выносил!

И тут Без Козыря вспомнил ящики в конюшне виллы «Чайки». Черт возьми! Ван дер Трост не теряет времени даром! А доказательством этого... Вдруг Без Козыря заметил на одной из полок золотую лошадку, похожую на ту, которую он нашел в кармане у раненого. Мальчик был уже в состоянии спокойно размышлять. Потрясенный, с бьющимся сердцем, он бродил по круглому залу. А эта статуэтка Святого Жилия, усыпанная драгоценными камнями!.. Каждое новое открытие вызывало у него крик восхищения.

Наконец к Франсуа вернулось хладнокровие, и он начал уже более спокойно разглядывать зал. На потолке он заметил вентиляционные отверстия, через которые просачивался дневной свет. Бункер был тщательно замаскирован, и никто бы даже не заподозрил, что он существует. Тяжелая бронированная дверь соединяла его, видимо, с более легкими укреплениями, которые были разрушены во время высадки союзников. В бункере складывались богатства, награбленные в разных районах страны. Но почему же их тогда не вывезли? Может быть, организатор всего этого был внезапно переведен на другой фронт и там бесследно исчез? А часовня столько лет хранила его тайну...

Вдруг у Без Козыря мелькнула идея, от которой он даже подскочил. Ведь наверняка коллек-

ции его деда тоже находятся здесь! Мальчик еще раз методично осмотрел драгоценности, пытаясь вспомнить, что видел на семейных фотографиях. Вот, например, этот кувшин для воды. И эта шкатулка для драгоценностей, сделанная из литого золота... Без Козыря уже начало казаться, что все здесь его! И еще одна мысль невероятно его обрадовала. Ведь теперь нет необходимости продавать Кермол! Без Козыря не знал, что придется предпринять его отцу, чтобы вернуть украденные богатства, но серьезных препятствий тут не должно возникнуть. Важно только не дать Ван дер Тросту возможности этому помешать, а также не допустить, чтобы он скрылся со своей добычей.

Свет фонарика начал тускнеть. Надо было захватить запасную батарейку! А еще ведь нужно осмотреть правую галерею... Мальчик последний раз обвел зал лучом фонарика, чтобы запомнить это потрясающее видение сверкающих сокровищ, и отправился в обратный путь. Было уже почти шесть; он рисковал опоздать к приезду родителей. Но что делать — не мог же он бросить это дело на полдороге!

Вдруг Без Козыря пришла в голову страшная мысль. А что, если Ван дер Трост или один из его сообщников пробрался в часовню и задвинул плиту алтаря? Или, скажем, решил посмотреть, кто это разгуливает по подземелью? В обоих случаях Без Козыря пропал. Правда, чтобы попасть в часовню, надо перелезть через стену или войти через ворота — короче, проникнуть на территорию Кермола — так, чтобы не заметили Жауаны. Ночью это возможно, а в сумерки — нет. У мальчика еще оставалось немного времени, и он решил осмотреть правую галерею.

Прежде всего мальчик заметил, что она более

древняя, чем первая. Ее чинили, укрепляли, местами передельвали, но все же кое-где еще оставались скальные участки. Видимо, этот коридор соединял в прошлые века часовню с замком. В этом не было ничего необычного: ведь часовня не всегда лежала в руинах, и в далеком прошлом обитатели Кермола, возможно, приходили сюда помолиться. А может, они спасались здесь в случае опасности. Это было что-то вроде запасного выхода.

Размышляя таким образом, Без Козыря продолжал идти вперед. Он совсем забыл, что надо считать шаги. Через некоторое время он заметил ступеньки еще одной лестницы. Мальчик начал подниматься, спрашивая себя, где он окажется. И вот он остановился под каким-то люком. Хватит ли у него сил поднять плиту? Прицепив фонарик к поясу, Без Козыря уперся в нее спиной. Как ни странно, плита поддавалась довольно легко. Без Козыря пролез в открывшийся люк и осветил вокруг. Он оказался в пустом шкафу! Дверь была закрыта на задвижку. Без Козыря отодвинул ее. В помещении, куда он вышел, царили темнота и тишина. Это было еще необычнее, чем в бункере. Фонарик почти погас; он испускал только небольшое овальное пятно бледного света. Но этого было достаточно, чтобы, осветив на стены и задернутые шторы, Без Козыря понял, где находится.

Это было южное крыло Кермола, и он находился совсем рядом с комнатой Жан-Марка, в его «лаборатории». Столы здесь были завалены самыми необычными предметами, но Без Козыря решил тут не задерживаться. Он попытался открыть входную дверь, однако она оказалась запертой на ключ. Мальчик решил не ломать замок. У него еще хватит небольшого запаса батареек фонарика, чтобы вернуться через подземелье. Он снова во-

шел в шкаф, закрыл люк и почти бегом вернулся в часовню. Вернуть плиту алтаря на место удалось довольно легко. Уф! Без Козыря вытер лоб. Двадцать минут седьмого. Он ужасно опаздывает... И Без Козыря побежал к замку.

БЕЗ КОЗЫРЯ ИДЕТ ПО СЛЕДУ

У Жауанов был расстроенный вид.

— У твоих родителей небольшое происшествие. К счастью, ничего страшного — столкнулись с какой-то машиной на выезде из Гингампа. Пришлось объясняться с полицией. Они переночуют в Гингампе и приедут только завтра утром.

— Они не ранены? Вы правду говорите?

— Ну конечно, правду. Только вот машина требует ремонта.

Без Козыря, ужасно расстроенный, без всякого аппетита принялся за рыбу под винным соусом.

— Рыба получилась такая вкусная, — причитала Маргарита. — Что же мне приготовить им завтра?

Они принялись обсуждать, какие еще блюда ей особенно удаются. Без Козыря играл свою роль с азартом, стараясь избежать вопросов, как он провел вторую половину дня.

— Рыба соль по-нормандски? — предлагает он.

— Нет, это тяжелое блюдо.

— Запеченная рыба тюрбо?

— Это долго готовить. Жан-Марк, ты не подвезешь меня на рынок?

— Разумеется, — ответил Жан-Марк. — Моя машина теперь работает как часы.

— Мне бы хотелось вовремя вернуться, чтобы успеть встретить их, — вздохнула Маргарита.

Разговор продолжался, но Без Козыря, ма-

шинально подавая реплики, мысленно снова видел роскошные кувшины, церковную утварь, драгоценные статуэтки...

— Что это у нас запахло аптекой? — удивился вдруг Жауан. — Вы не находите, что попахивает эфиром?

Без Козыря покраснел. Конечно, он должен был переодеться.

— Эфир! — воскликнула Маргарита. — Это ты, мой милый, вечно приносишь со своей яхты запахи краски и гудрона. Жан-Марк, ты что-нибудь чувствуешь?

— Нет.

— А ты, Франсуа?

— Тоже нет.

О яхте она могла говорить бесконечно; значит, опасность миновала. Они перешли к десерту. Без Козыря ужасно хотелось спать: еще бы, он сегодня явно перенервничал. Надолго он запомнит этот день!..

— Ты спишь на ходу, Франсуа, — заметила Маргарита. — Не мучайся, ложись.

— Я думаю, нам всем надо бы пойти спать, — бросил Жауан.

— Нет! — запротестовал Без Козыря. — Я совсем не устал. Мне действительно немного хочется спать: я просто еще не привык к здешнему воздуху. Но нам важно узнать, каждую ли ночь лошадь приходит в замок. Давайте поднимемся, как вчера, в мою комнату.

— Принеси-ка свою сливовую настойку, — попросил жену Жауан. — Она нам поможет.

— Хорошая мысль! — одобрил Жан-Марк.

И вот они снова в комнате Франсуа. Жан-Марк и Без Козыря разожгли в камине яркий огонь, Маргарита приготовила закуски.

Но атмосфера сегодня совсем не такая, как в

предыдущий вечер, особенно для Без Козыря. Едва он устроился у огня, голова его упала на грудь. Сквозь сон мальчик почувствовал, как Маргарита накрывает ему ноги пледом. Ему было так хорошо! Словно издалека, доносились до него их голоса и потрескивание дров. Франсуа впал в блаженное оцепенение. Впрочем, голова у него оставалась ясной, и он перебирал в памяти события последних часов, пытаясь выстроить их в одно целое. Некоторые звенья легко увязывались друг с другом, но все же ему еще недоставало важных деталей. Как жаль, что родители...

Наконец он заснул. Жан-Марк разбудил его, положив руку на плечо.

— Выпей это, старик.

Жан-Марк говорил шепотом. Жауаны крепко спали в своих креслах.

Без Козыря согрел в руках стакан, который передал ему Жан-Марк.

— Который час?

— Почти полночь.

Без Козыря глотнул настойки и закашлялся.

— Я готов,— прошептал он.

Мальчики открыли ставни. Вокруг было тихо. Море спокойно плескалось вдали.

— Мы услышим ее издали,— сказал Жан-Марк.

Без Козыря, конечно, интересно было, что сегодня произойдет, но он уже не ждал чуда, а просто хотел провести эксперимент — проверить одну гипотезу.

— Вот она,— проговорил он спокойно.

Лошадь, как и в предыдущие ночи, приближалась со стороны изгороди. Она шла мелкой рысью, копыта ее то стучали по камням, то тонули в траве.

— Погоди-ка,— шепнул Без Козыря,— я сделаю набросок.

Он быстро вернулся с блокнотом и фломастером и при свете луны стал набрасывать маршрут лошади-призрака. Места, где лошадь останавливалась, Без Козыря помечал кружочками. Жан-Марк, облокотившись на плечо друга, наблюдал за ним с живейшим интересом. Лошадь была уже недалеко.

— Передай-ка мне фонарь,— попросил Без Козыря.— Он на моем ночном столике.

Жан-Марк принес фонарик.

— Батарейка села,— заметил он.

— Это ничего.

Без Козыря отвинтил крышку фонаря и вынул батарейку. Это был довольно увесистый цилиндр. Без Козыря, сжав его в руке, выжидал удобный момент. Когда лошадь подошла под окно, он изо всех сил метнул батарейку вниз. Она ударилась о камни точно в том месте, где должна была находиться лошадь, и тут же разлетелась на куски. Оба мальчика одновременно высунулись в окно.

— Ты слышишь? — спросил Без Козыря.— Она еще там.

Жан-Марк ответил:

— Она существует вне нашего времени. Я не знаю, как тебе это объяснить; я даже не уверен, что сам это понимаю. Но получается так, что твоя батарейка не могла попасть в нее, потому что она сегодняшняя, а лошадь — из прошлых времен.

А лошадь тем временем била копытом, тихонько ржала и трясла головой.

— Она из прошлых времен,— засмеялся Без Козыря,— но оставляет совершенно современные следы на земле.

— Этого я тоже не понимаю.

— А я считаю, что во всем должна быть логика. Если лошадь приходит из прошлого, чтобы оставить свои следы, почему бы предмету, брошенному сегодня, не долететь до нее, в то время, когда

она жила? И вот я в нее не попал, ты это видел, а целился я точно.

— Какой же ты делаешь вывод?

Без Козыря чуть было не ответил, но сдержался и только пожал плечами. Вскоре лошадь ушла, и Франсуа, напрягая слух, завершил свой рисунок.

— Что это тебе даст?

— Пока не знаю. Но это помогает мне не принимать всерьез эту историю.

— И все-таки это настоящая лошадь,— проговорил Жан-Марк.

— Нет,— серьезно возразил Без Козыря.— Настоящие только звуки, а это не одно и то же.

В окно потянуло свежим воздухом; сквозняк разбудил Жауанов.

— Который час? — спросила Маргарита.

— Половина первого,— ответил Без Козыря.

— Боже мой! Она приходила?

— Да, и только что ушла.

Дядюшка Жауан покачал головой.

— Да, от этой гадости нам так просто не избавиться! — заметил он.— Мсье Робьон должен был бы предупредить того голландца.

— Конечно, он это сделает,— согласился Без Козыря.

— Еще одна бессонная ночь! — вздохнула Маргарита.— Мальчики, быстро в кровать!

Они разошлись по комнатам. Жауаны были озабочены. Жан-Марк хотел задержаться и поговорить еще с Без Козыря, поведение которого его заинтриговало, но Маргарита потащила племянника за собой.

Оставшись один, Без Козыря быстро разделся и с наслаждением плюхнулся в кровать.

На следующее утро он вставил в фонарик новую батарейку, натянул на себя рубашку побольше, чтобы не стесняла в движениях, и спустился зав-

2
3
4
6
1
2
3
4
5

тракать. Маргарита составляла список продуктов, которые собиралась купить в Ланниlise. Она хотела выехать пораньше.

— Пройдемся на яхте? — предложил Жауан.

— Идите, я вас догоню.

— Поехали! — крикнул Жан-Марк, подгоняя грузовичок к дому.

Через полчаса Без Козыря остался один. Он был очень возбужден, все время потирал руки и даже разговаривал сам с собой. Вскоре мальчик направился к часовне Прощения. Там он несколькими точными движениями сдвинул плиту с алтаря и спустился по ступеням секретного хода. А потом решительно направился в правую галерею.

«Вот разозлится Ван дер Трост! — думал он. — Он будет застигнут в тот самый момент, когда запустит руку в сокровища!»

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Мсье и мадам Робьон приехали как раз в тот момент, когда Маргарита и Жан-Марк возвращались с рынка. Все вместе вошли в кухню, где к ним вскоре присоединился Жауан. Встреча, как всегда, была очень теплой. А затем все пошли помогать Жан-Марку разгружать его грузовичок.

— А где Франсуа? — забеспокоилась мадам Робьон.

— Поехал прокатиться на велосипеде. Мы ведь не знали, когда вы приедете. Он обещал далеко не уезжать.

— Он хорошо себя вел? — спросил мсье Робьон.

— Еще как! Он у нас просто молодец!.. Выпьете чего-нибудь с дороги? Вы, должно быть, устали...

— Конечно,— согласился мсье Робьон,— мы с удовольствием выпили бы кофе.

Они расположились по-семейному, на кухне, как это обычно у них бывало. Пока Маргарита, которой помогала мадам Робьон, расставляла чашки и хлопотала у плиты, адвокат расспрашивал Жауана.

— Много было посетителей? Вас не очень беспокоили?

— Да что вы, это же наша работа... Чаше других сюда заходил один голландец, звать его Ван дер Трост. Он оставил свою визитную карточку, я вам ее отдам. Похоже, он серьезно заинтересовался помещьем. Правда, есть кое-что неприятное...

— Ах, негодник! — вскричала Маргарита, которая как раз в этот момент проходила мимо.— Неужели ты не мог подождать?

— В чем дело? — Мэтр Робьон был заинтригован.— Что-нибудь еще обвалилось?

— Да нет,— махнула рукой Маргарита.— Пейте-ка вы кофе, пока не остыл.

— Я вижу, вы от меня что-то скрываете,— покачал головой мэтр Робьон.— Говорите же, дядюшка Жауан, не тяните.

Жауаны переглянулись. Они были в полном замешательстве.

— Что-нибудь серьезное?

— Честно говоря, да,— решила наконец Маргарита.— Дело в том, что у нас... призрак завелся.

Мадам Робьон схватилась за сердце.

— Призрак?! Какой ужас!

Мэтр Робьон расхохотался.

— Призрак? Нам только этого не хватало. Какой-нибудь древний синьор?

— Нет, это лошадь! — вздохнул Жауан.

Мэтр Робьон перестал смеяться и повернулся к Жан-Марку.

— Что это еще за чушь?

— Это правда,— сказал Жан-Марк.— Каждую ночь в поместье приходит лошадь. Она проходит перед замком. Ее слышно, но не видно.

— Кто ее слышал?

— Мы все, и Франсуа тоже.

— И Франсуа? — ужаснулась мадам Робьон.— Он ведь такой впечатлительный!

— Но это же смешно,— покачал головой адвокат.— Дядюшка Жауан, вы же разумный человек! Скажите честно, вы что, тоже слышали... эту лошадь?

— Да,— кивнул Жауан.— И вы тоже услышите. Она всегда приходит в полночь.

— Положим. Видимо, эта лошадь сбежала из конюшни и бродит вокруг замка, вот и все. Поскольку в это время очень темно, вы ее и не видите. Тут нет никакой мистики. Я думаю, что...

Он замолчал. Кто-то бежал к дому. На пороге появился запыхавшийся Без Козыря.

— Я заметил машину... Я не ждал вас так рано. Вам удалось ее починить?

Он бросился обнимать родителей, но успел краем глаза заметить, что Жауаны чем-то смущены.

— Так и есть,— сказал Франсуа.— Я знал, что вы расскажете им о лошади.

— Да, мы говорили о лошади,— подтвердил мэтр Робьон.— И у меня сложилось впечатление, что кто-то хорошо над вами посмеялся.

— Нет, папа, это правда. Лошадь-призрак существует. Признаюсь тебе, что когда ее слышишь первый раз, это очень впечатляет.

— Если тут водится лошадь-призрак, я сегодня же уезжаю,— заявила мадам Робьон.

— Ну уж нет! — воскликнул Без Козыря. — Сегодня вечером мы будем ждать ее все вместе. Это так интересно!

Мэтр Робьон спокойно допил кофе.

— Какой у вас всегда прекрасный кофе, Маргарита! Ну, а теперь поговорим серьезно. Итак, вы считаете, что в замке поселилась лошадь-призрак. Допустим... Когда она начала появляться?

— Точно мы не знаем, — пожал плечами Жауан. — Жан-Марк первым ее услышал.

— Да, — подтвердил Жан-Марк и в нескольких словах рассказал, как в первый раз столкнулся с этим феноменом. — И тогда мы все пошли в северное крыло...

— Почему в северное? — спросил Робьон.

— Потому что лошадь шла с той стороны. И мы все трое ее слышали. Она прошла в нескольких метрах от нас.

— И вы ничего не видели?

— Ничего!

— Это действительно так, — торжественно заявил Жауан.

— Это было просто эхо, — еще раз попытался их образумить мэтр Робьон.

— Не может быть, папа! — вмешался Без Козыря. — В долине все открыто, там нет ни стен, ни деревьев, только несколько скал. Откуда там может быть эхо?

— А что делает эта лошадь?

— Она подходит к замку. Иногда идет шагом, иногда рысью. Потом останавливается, всегда в одном и том же месте. Кстати, прошлой ночью, слушая ее, я сделал вот этот набросок. — Без Козыря достал рисунок и протянул его отцу. — Пунктиром отмечен путь, которым идет лошадь, а идет она, как ты видишь, зигзагом. Кружочками поме-

чены места, где она останавливается, крестиками — места, откуда слышатся наиболее характерные шумы, например. шуршание сбури, звяканье цепочки и т. д. Квадратом отмечено место, где слышно всадника. Я, по крайней мере, слышал цоканье языка. Жан-Марк считает, что я ошибся, но я уверен, что действительно его слышал.

Мэтр Робьон рассмотрел рисунок, потом пустил его по кругу.

— Если это правда...— начала мадам Робьон.

— Это неправда,— перебил ее адвокат.— Вернее, я сказал бы так: это может быть правда, но это совсем не нечто сверхъестественное. Пока я сам не проверю...

— Ты можешь проверить прямо сегодня,— сказал Без Козыря.

— Может быть,— начал Жан-Марк,— это как-то связано с легендой о часовне Прощения...

И он рассказал историю графа де Тревора и синьора Бригоньяна. Мэтр Робьон слушал и улыбался.

— Знаю, знаю,— кивнул он.— Это очень красивая сказка: лошадь отправляется за раненым.

— Но мы нашли и раненого!— вскричал Без Козыря.

— Что?!

— Это был настоящий раненый!

И Без Козыря в свою очередь рассказал эпизод с человеком, который вначале лежал без сознания, а потом таинственно исчез.

— Мы чуть было не известили жандармов,— признался Жауан.

— Ну хорошо, ну происходили здесь в наше отсутствие разные странные вещи,— проговорил адвокат самым обыденным тоном,— но зачем драматизировать? В свое время всему найдется объяснение.

Без Козыря любителю спокойствием отца, но в то же время испытывает огромную радость от того, что он-то — он знает! Вот уже два часа как он знает правду, только пока не может ее раскрыть. Пока не может!

— Ну, мы пошли устраиваться,— сказал мэтр Робьон.— Я хотел бы несколько дней отдохнуть и не позволю вашей лошади испортить нам отпуск. А ты, Франсуа, чересчур возбужден. Успокойся!

— Жан-Марк, займись багажом! — крикнул Жауан.

Все начали ходить туда-сюда, что-то делать, но происходило все это довольно вяло. Мадам Робьон, еще под впечатлением от страшной новости, перешептывалась с Маргаритой. Мсье Робьон слишком явно демонстрировал свое напускное спокойствие. Жауан, кажется, чувствовал себя виноватым в том, что произошло. Жан-Марк тоже был чем-то смущен.

В Кермоле Робьоны обычно обедали вместе с Жауанами. Такова была традиция. Несмотря на протесты мадам Робьон, разговор за столом сразу же зашел о лошади-призраке, и прекрасные устрицы остались почти незамеченными.

— Все равно вы все время думаете об этой лошади,— сказал мэтр Робьон,— так уж лучше говорите о ней вслух. Вам станет легче.

— Минутку! — возразил Без Козыря.— Лошадей было несколько.

— Вот как? Это что-то новое! — усмехнулся адвокат.

— Звуки каждую ночь разные. Но во всех случаях лошади придерживаются одного и того же маршрута и делают одни и те же остановки.

— Нам ты об этом не рассказывал,— упрекнул его Жауан.

— Вы и так достаточно расстроены. Но сейчас мы все вместе, мы стали сильнее и можем наконец смело взглянуть в лицо этой проблеме.

— Значит, ты считаешь, что проблема реально существует? — спросил мэтр Робьон. — Что ж, пусть будет так! Ты прав, ее надо обсудить. Я много слышал об аномальных явлениях и должен вам сказать, что в большинстве случаев за ними скрывается обыкновенный обман.

— Однако... — начал было Жауан.

— Может быть, мы сразу и не найдем разгадку, — продолжал мсье Робьон, — но завтра, после того как я услышу все это собственными ушами, я все-таки обращусь в жандармерию. Я закрою все подходы к замку, и вы увидите, что в сеть попадетя вполне материальная дичь, причем не на четырех ногах, а на двух... Этот Дюшизо, который сделал мне такое смешное предложение, — он приходил снова?

— Да, — выпалил Без Козыря. — Он даже привел с собой приятеля. Они залезали во все щели. Дюшизо собирается снести замок и построить на его месте кучу бунгало.

— Может быть, он и затеял всю эту историю, чтобы сбить цену. Нанял какого-нибудь шумовика... Разумеется, это только первое, что пришло в голову, но я просто хочу вам показать, что нельзя отступать, даже если не можешь сразу найти объяснение.

— А что это такое — шумовик? — спросила Маргарита.

— Это человек, который производит нужные шумы при съемках фильмов или в радиопередачах.

— Ловко! — сказал Без Козыря. — Но невозможно. Впрочем, посмотрим...

И он покраснел. Это был первый случай в его жизни, когда он на равных обсуждал что-то с от-

цом. Но проблема есть проблема, а очевидность есть очевидность. Мэтр Робьон бросил на сына довольный взгляд и одобрительно кивнул головой.

— Ты прав, Франсуа, не надо хвататься за первую попавшуюся гипотезу. Скоро мы сами все услышим и постараемся найти реальное объяснение. Рыба очень вкусная, Маргарита.

Лицо женщины просияло. До этого, похоже, никто даже не заметил приготовленного ею блюда.

— А мой сладкий сидр? — забеспокоился Жауан.

— Он, как всегда, прекрасен.

— Что касается меня, — снова начал Жауан, — то, если выбирать, я — за лошадь. Гораздо неприятнее, когда призрак разгуливает по дому.

— Чего я не понимаю, — заметил мэтр Робьон, — так это почему автор этой отвратительной шутки выбрал именно лошадь. Нет сомнений, что мы имеем дело с неудачной шуткой. Но почему лошадь? Это, конечно, неплохо, но менее тревожно, менее волнующе, чем человек.

— Легенда, — вставил свое слово Жан-Марк.

— Согласен. Но Франсуа говорил и о всаднике. Вы не думаете, что звуки, которые производит всадник: поскрипывание металлических доспехов, позвякивание шпаги, — могли бы произвести более сильный эффект?

Без Козыря согласился. Он следил, как отец постепенно приближается к правде, и ему хотелось закричать: «Горячо!.. Холодно!.. Снова горячо!» Но пока он должен был молчать.

Когда Маргарита подала блины с медом, наступила короткая передышка. Кофе был выпит быстро.

— А теперь, — заявил мэтр Робьон, — мы отправляемся на место действия. Я беру с собой молодых людей. Мы ненадолго.

Они вышли из замка и остановились в нескольких шагах от изгороди.

— Первые звуки раздаются отсюда,— объяснил Без Козыря.

— Чуть правее,— уточнил Жан-Марк.

Мэтр Робьон огляделся.

— Это не может быть эхо,— прошептал он.— Странно!

— А затем,— снова начал Без Козыря,— лошадь проходит сквозь изгородь и движется зигзагом по долине, а вот здесь делает крюк.

Мэтр Робьон внимательно слушал сына.

— Любопытно, почему же она не идет по прямой? — удивился он.— Почему все время делает крюки?

— Здесь она останавливается. В этот момент слышно, как она отряхивается, бьет копытом. Мы даже нашли след копыта вот здесь, у подножия скалы.

— След?! — вскричал мэтр Робьон.— Почему ты не говорил об этом раньше?

— Просто забыл.

— След! Но это абсолютно невозможно!

— Но ведь эта лошадь не как все остальные.

Мэтр Робьон почувствовал в тоне сына что-то вроде иронии.

— Можно подумать, что это тебя забавляет, Франсуа. Я не ошибаюсь?

— Ну что ты! Я увлечен этим делом.

— Неужели уже взялся за расследование?

— Это очень интересно.

— Хорошо. Что же происходит дальше?

— Затем лошадь направляется к северному крылу, подходит совсем близко к замку, а потом проходит прямо под окном моей комнаты. Затем делает еще одну остановку, на сей раз довольно продолжительную. Согласись,

что при лунном свете можно было бы что-то увидеть.

— Разумеется...

Мэтр Робьон зажег сигарету, заложил руки за спину и молча сделал несколько шагов посреди зарослей утесника.

— Через какое-то время она снова пускается в путь и на этот раз уже больше не останавливается,— закончил свой рассказ Без Козыря.

— И это настоящий цокот копыт? Не имитация?

— Нет, это настоящая лошадь. Слышен звон цепочки, она храпит и грызет удила.

— Хорошо, подождем ночи. Пока я не убедился сам, мне трудно что-либо сказать. А пока, чтобы не огорчать маму, поговорим на другую тему. Она очень уж разволновалась.

Они поехали в Брест. Прекрасному «ситроену» мэтра Робьона требовался небольшой ремонт: после аварии у него подтекало масло. Гуляя по набережной, они, конечно, снова говорили о лошади-призраке. Мадам Робьон хотелось бы вернуться в Париж. Боязливая по натуре, она никогда хорошо не чувствовала себя в Кермоле. Для нее этот замок был слишком велик.

— Продадим его поскорее,— говорила она.— Тем более и покупатель уже есть.

— Согласен,— отвечал адвокат,— но сначала я хотел бы разобраться в этом деле. Кажется, кто-то пытается заставить меня отдать Кермол за бесценок. Но я не позволю себя надуть!

Без Козыря не вмешивался. Он заранее предвкушал свою победу. Его любимый старый Кермол никогда не будет продан! И если дело пойдет так, как он предполагал, лошадь больше не появится.

Но — терпение! Осталось подождать еще несколько часов...

Несколько часов — это не так уж много, но тянулись они бесконечно. Без Козыря отнес в свою комнату запас дров. Славная Маргарита собрала массу провианта «для господ», как она выразилась; можно было подумать, что «господа» отправляются на охоту или на войну. Не хватало только ружей, но мэтр Робьон захватил фотоаппарат и, как только опустилась ночь, опробовал вспышку. Он намеревался сделать несколько снимков с близкого расстояния.

Поужинали они наспех, а потом устроились в комнате Франсуа. Женщины сели в уголок, поближе к огню. Мэтр Робьон предложил сыграть в пикет. Он знал, что Жауан любит карты. Они играли до одиннадцати часов, а потом каждая минута стала казаться им вечностью. Ночь была ясной, полная луна освещала двор.

— Идеальные условия! — с подъемом произнес мэтр Робьон.

Без Козыря молчал, хотя волновался все сильнее и сильнее. Будут ли события развиваться так, как он надеется? Мальчик чувствовал себя словно автор пьесы перед открытием занавеса. И, как всегда в таких случаях, у него начались колики в животе.

Мадам Робьон и Маргарита отложили вязание. Без четверти двенадцать адвокат открыл ставни. Небо было сплошь усыпано звездами. Все молчали, прислушиваясь. Мэтр Робьон еще раз проверил аппарат. Без Козыря следил за стрелками часов. Наконец он поднялся и подошел к отцу.

— Пора, — сказал мальчик.

И в ту же минуту со стороны изгороди слышался цокот копыт. Женщины едва удержались, чтобы не закричать. Адвокат высунул-

ся в окно; на лице его читалось огромное удивление.

— Видишь, папа,— прошептал Без Козыря,— мы говорили правду.

— Помолчи!

Лошадь приближалась. Слышалось ее тяжелое дыхание; затем раздался звон цепочки. Адвокат смотрел на пустое место широко раскрытыми глазами.

— Странно! — пробормотал он.

Чувствовалось, что, несмотря на все свое хладнокровие, он чрезвычайно взволнован. В руке он крепко сжимал аппарат. А к Без Козыря, наоборот, возвращалось спокойствие. Теперь он знал, что выиграет партию.

Лошадь ударила копытом.

— Сейчас она заржет.

И лошадь тихонько заржала.

Без Козыря вел спектакль.

— Теперь пройдет мимо нас.

Лошадь перешла на шаг и прошла под окном. Вспышка аппарата мэтра Робьона осветила ночь. Щелкнул затвор.

— Не спеши,— посоветовал Без Козыря.— Она долго будет там стоять.

— Невероятно!

— Подожди, самое забавное еще впереди...

Мадам Робьон робко приблизилась к мужу.

— Ты что-нибудь видишь?

— Ничего. Только слышу.

Снова послышался цокот копыт — и вдруг раздался голос. Он шел от основания стены. Все вздрогнули — все, кроме Без Козыря.

— Я — лошадь-призрак! С вами говорит лошадь-призрак...

Чей это голос? Неужели Без Козыря?!

Франсуа улыбнулся. Теперь он уже не волновался.

— Если вы хотите получить разгадку,— продолжал голос,— идите в мастерскую Жан-Марка. Лошадь-призрак ждет вас там. До встречи!

Послышалось щелканье языка, и лошадь, похоже, сделала прыжок. Адвокат прислонился к окну и посмотрел на сына.

— Что все это значит?

— Спроси у Жан-Марка.

Жан-Марк опустил голову.

— Жан-Марк?..

Юноша явно не собирался ничего объяснять. Он прятал глаза и казался подавленным. Жауан, вне себя от гнева, схватил племянника за руку.

— Отвечай, кому говорят!

— Простите меня...— пролепетал Жан-Марк.

— Подождите,— вмешался адвокат,— не надо преувеличивать. Я, кажется, начинаю понимать... Впрочем, другого объяснения и быть не могло. Давайте сделаем то, что нам посоветовала лошадь.

Группа во главе с Без Козыря прошествовала через пустые залы первого этажа в южное крыло. Жан-Марк вынул из кармана ключ и приготовился отпереть дверь мастерской.

— Подожди!— остановил его Без Козыря.— Ставни хорошо закрыты? Занавеси задернуты?

— Да,— выдохнул Жан-Марк.

Они вошли, и Без Козыря зажег свет. Адвокат тут же заметил большой магнитофон.

— Ах!— воскликнул он.— Это, наверное, и есть ключ к разгадке?

— Вот именно,— кивнул Без Козыря.

Он перемотал пленку назад, нажал клавишу воспроизведения, и все тотчас же услышали цокот копыт.

— Вот и вся загадка,— объявил Без Козыря.

Жауаны были подавлены. Жан-Марк рухнул на стул, закрыв лицо руками.

Адвокат с интересом рассматривал клавиатуру магнитофона: рычажки, разноцветные лампочки, переключатели скоростей, кнопки, на которых было написано: «Первый микрофон», «Второй микрофон», «Третий микрофон». Он покачал головой.

— Прими мои поздравления, Жан-Марк, это почти профессиональная аппаратура. Но...

— Тихо! — прервал его Без Козыря. — Сюда идут!

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Из шкафа послышался шум. Без Козыря бросился к выключателю и погасил свет. Сначала они услышали шарканье ног, потом прерывистое дыхание и, наконец, скрип двери шкафа. Без Козыря снова зажег свет.

— Добрый вечер, господин Ван дер Трост, — сказал он. — Мы вас ждали. Это мсье Робьон, мой отец. А это мадам Робьон. С Жауанами вы уже знакомы. И, естественно, я вам не представляю Жан-Марка.

Голландец ошарашенно переводил взгляд с одного на другого. Сейчас он совсем не походил на добряка и процветающего промышленника. Он был растерян и зол.

— Итак, — сказал мэтр Робьон, — вы пробираетесь среди ночи в мой дом, преследуя некие таинственные цели. Знаете ли вы, сударь, что я могу подать на вас в суд? Но сначала объясните мне как вы сюда попали.

— Через подземный ход, — ответил за голландца Без Козыря.

— Какой еще подземный ход?

— Я вам все сейчас объясню. Жан-Марк, принеси стулья.

Без Козыря спокойно принял на себя руководство операцией. Он видел, что отец крайне удивлен, но собирался удивить его еще больше.

— Вы уже слышали историю с раненым,— начал он.— Я задумался: кто же этот человек и почему у него в кармане оказалась золотая лошадка? И, главное, почему у него в руке была зажата пуговица — это я скрыл от вас специально,— принадлежащая Генриху, шоферу Ван дер Троста? Эта пуговица навела меня на след... Спасибо, Жан-Марк. Давайте сядем.

Ван дер Трост не стал садиться. Он стоял у шкафа с видом оскорбленного достоинства, и на лице у него было написано: «Я остаюсь, но не потому, что вы этого требуете,— никто не вправе давать мне указания — а потому, что я намерен ответить на обвинения этого сопляка».

— И тогда я забрался в дом к этому господину.

— Франсуа! — вскричала мадам Робьон.— Что ты говоришь?!

— Продолжай,— кивнул сыну мэтр Робьон.

— Я нашел там раненого, а рядом с ним золотую лошадку. А потом я увидел, как Ван дер Трост вместе со своим шофером распивал шампанское с этим человеком за его скорейшее выздоровление — а еще, как мне кажется, в знак примирения. Я догадался, что они сообщники. Но что замышляли? Этого я не знал. Ван дер Трост говорил по-немецки и очень быстро, и я разобрал только несколько слов — поместье, часовня, алтарь, замок. Ключевым было слово «алтарь»... Мне удалось убежать, несмотря на то что виллу охраняла злая собака.

Здесь Без Козыря замялся, но потом все же счел, что лучше не рассказывать родителям об обстоятельствах своего бегства, чтобы не пугать маму. Однако мэтр Робьон уловил его колебания.

— Как тебе это удалось?

— Вот как... В комнате, где я прятался, я обнаружил вату и бутылку с эфиром. Я смочил вату эфиром, и собака, напуганная запахом, не рискнула на меня напасть.

— Неплохо,— одобрил мэтр Робьон.

— Франсуа, ты никогда больше не поедешь на каникулы один! — заявила мадам Робьон.

— Я буду жаловаться! — воскликнул голландец.

— Ну что ж, валяйте,— согласился Без Козыря.— Итак, из виллы «Чайки» я отправился прямо в часовню Прощения. Там я долго искал подземный ход и в конце концов почти случайно обнаружил, что плиту, покрывающую алтарь, довольно легко можно сдвинуть вбок. Тогда открывается вход в подвал, откуда начинаются две галереи. Первая, недавней постройки, ведет в бункер, построенный немцами во время войны... А теперь угадайте, что я нашел в этом бункере?

Все замерли, кроме Ван дер Троста, которому явно было очень не по себе.

— Сокровища, произведения искусства, кучу всяких прекрасных вещей, которые невозможно перечислить,— да вы сами все увидите. И я уверен, что там есть кое-какие предметы, принадлежавшие моему деду.

Родители и Жауаны слушали его затаив дыхание.

— Все это стоит миллионы франков,— продолжал Без Козыря.— Я, правда, не знаю, что этот господин уже успел вывезти и упаковать в ящики, которые стоят у него в конюшне на вилле «Чайки».

— Извините! Я желаю сказать! — запротестовал голландец.

— Потом, — оборвал его мэтр Робьон. — Продолжай, Франсуа.

— Затем я исследовал вторую галерею. И знаете, куда она выводит? Вот в этот шкаф.

Без Козыря открыл дверь шкафа, и все увидели откинутую крышку люка.

— Сначала я ничего не понимал. Какое отношение ко всему этому имеет Жан-Марк? И вот сегодня... нет, уже вчера утром я воспользовался отсутствием Жан-Марка, чтобы как следует ознакомиться с его мастерской. Тогда я и нашел магнитофон — и даже позволил себе записать на пленку дополнительный текст.

— Надо сообщить в полицию, — сказал мэтр Робьон.

— Я это уже сделал, папа. Ты же понимаешь, что я не мог позволить этому господину скрыться. Вчера я завернул в жандармерию — поэтому и опоздал к вашему приезду. Так что сегодня ночью полицейские окружили поместье; думаю, они уже взяли Генриха и того человека. А завтра они обещают виллу «Чайки» и заберут ящики, сложенные в конюшне.

— Я протестую! — снова закричал Ван дер Трост.

— Молчите лучше! — бросил мэтр Робьон. — А ты, Жан-Марк, неужели ты согласился ему помочь?

— Я не виноват! Клянусь! — воскликнул Жан-Марк.

— Тогда расскажи, как было дело. Попробуй оправдаться.

— Это будет несложно. — Жан-Марк вздохнул. — Я был очень огорчен, когда узнал, что вы продаете Кермол: ведь здесь прошло мое детство...

И я стал думать, как бы вам помочь. Все замки дорого обходятся их владельцам, но они все-таки как-то умудряются их содержать... И тут мне в голову пришла одна идея. Что, если устраивать в замке спектакли под названием, скажем, «Звук и свет»? Эту мысль надо было обдумать... Я ведь кое-что понимаю в электронике. Я заметил, что в зарослях утесника, около ручья и в скалах легко можно спрятать небольшие колонки-усилители, подведя к ним под землей провода. Сама аппаратура не представляла для меня сложностей. Затем я вспомнил о легенде, связанной с часовней Прощения. Один мой друг в Бресте держит лошадей; я съездил к нему и сделал несколько записей. Результат превзошел все мои ожидания! Звуки воспроизводились с необыкновенной чистотой и точностью. Оставалось только выбрать лучшие записи, которые подходили бы к данной местности. Словом, в моем проекте не было ничего плохого, и я даже чуть было не рассказал вам о нем, но мне хотелось удивить вас первым представлением. К несчастью, у меня кончились деньги. У меня были кое-какие сбережения, но их оказалось недостаточно. Ведь эта аппаратура очень дорого стоит...

— Бедный Жан-Марк,— прошептала мадам Робьон.

Жауаны хмуро взирали на племянника.

— Я уже почти решил отказаться от моего проекта,— продолжал Жан-Марк.— Я понял, что только с помощью моей установки замок не спасешь. Но тут я встретил господина Ван дер Троста... Это произошло совершенно случайно— однажды он зашел в манеж, где я записывал шумы, производимые упряжью лошади, и начал меня расспрашивать. И тогда — сам не понимаю, как это случилось,— я рассказал ему о своем плане, хотя

до этого хранил его в тайне ото всех. Может быть, это произошло потому, что он был как бы случайный знакомый... Он очень заинтересовался и, со своей стороны, по секрету сообщил мне, что хотел бы купить Кермол.

— Вы часто виделись? — перебил его мэтр Робьон.

— Очень часто. Обычно мы встречались в манеже. Ван дер Трост очень любит лошадей; я подумал, что, возможно, именно поэтому ему так понравилась легенда о часовне Прощения... Иногда он приглашал меня пообедать. Он был всегда очень любезен.

— Еще бы,— с иронией заметил мэтр Робьон.

— Разрешите же...— снова вмешался Ван дер Трост.

— Всему свое время,— властно ответил мэтр Робьон.— Жан-Марк еще не закончил.

— Я почти все сказал. Я ему доверился, и в этом была моя ошибка...— Жан-Марк повернулся к Жауанам.— Он обещал мне, что оставит нас троих в замке и будет финансировать мои опыты... Я подумал: если уж спасти замок невозможно, так пусть хоть его купит хороший человек. Мне так хотелось осуществить свой проект! И я ведь никому не хотел причинить вреда... Ван дер Трост дал мне денег и сказал, что вернет их себе позднее — из выручки от представлений. Он предложил мне работать над проектом постепенно — сначала звук, потом освещение и в конце — комментарий. Если я сумею хорошо выполнить запись шумов, что казалось ему наиболее трудной частью работы, то он обещал поручить мне производство всей установки и хорошо оплатить мой труд. Это, конечно, меня обрадовало.

— Мы тебя понимаем, мой бедный Жан-Марк,— сказала мадам Робьон.

Мэтр Робьон закурил.

— Это он выбирал места, где размещать колонки?

— Мы это делали вместе. Я готовил чертежи. Это было несложно. Главное, чтобы аппаратура не была видна, иначе пропал бы весь эффект. Лошадь должна была проходить там, где можно спрятать колонки. Поэтому она и двигалась зигзагом... Когда я все приготовил, господин Ван дер Трост попросил меня сделать как-нибудь ночью первую пробу.

— И это было первое появление лошади-призрака?

— Да.

— Проба удалась. Зачем же тогда понадобилось повторение?

— Он хотел, чтобы я опробовал все свои записи. Он считал, что...

— И ты ни разу не задал себе вопроса, почему этот господин так старался переселить ночью всех обитателей замка из южного крыла в северное? — спросил Без Козыря.

— Нет.

— И тебе не пришла в голову мысль, что в это время он мог что угодно делать в часовне Прощения?

— Нет.— Жан-Марк опустил голову.— Я был счастлив и поэтому не задавал себе никаких вопросов. Я создал лошадь-призрак! Иллюзия была полной, ведь правда же?

— Да, это было великолепно. У тебя талант к технике... А теперь расскажи нам о следах,— велел мэтр Робьон.

Жан-Марк робко взглянул на Ван дер Троста.

— Это тоже была его идея. Он посоветовал мне усилить впечатление, оставив на земле след от подковы. Сказал, что эта новость быстро распро-

странится по окрестностям и любопытные повалят валом. И таким образом мы сделаем спектакль еще более живописным... А я во все это верил!

— Вот именно,— кивнул мэтр Робьон.— По сути дела, ты был послушным орудием в руках Ван дер Троста.

— Мне очень жаль,— пробормотал Жан-Марк.

— Мы не сердимся на тебя за это, и твои родители тоже. Не надо плакать, Маргарита. Жан-Марк просто проявил слабость, вот и все. Я думаю, у него неплохое будущее в области электроники... А теперь послушаем господина Ван дер Троста. Кстати, это ваше настоящее имя?

— Моя фамилия Шварц,— ответил тот.— Я немец.

Он очень спокойно вынул сигару и не торопясь раскурил ее, демонстрируя презрение к противнику.

— Вы считаете, что я... мошенник? Вы ошибаетесь. Я так же невиновен, как и этот юноша. Я начну с начала. Во время войны мой отец был обер-лейтенант и больше год жил в этом замке. Он был в состав генштаба, во главе которого был один генерал. Этот генерал убит, когда пришли союзные войска. Это он устраивал грабежи в эти края. Это он построил бункер. Мой отец следил ход работ и обнаружил вторую галерею — ту, по которой я сюда пришел. Сокровища должны были быть увезены в конце лета 1944 года. Но вы знаете, что тогда случилось. Немецкая армия должна была быстро, быстро покинуть это место. В боях в Нормандии погибли один, другой офицеры генштаба... Мой отец был очень ранен и в плену. Он вернулся в Германию через год и умер три месяца назад.

— Понимаю,— сказал мэтр Робьон.

Лицо Шварца на какую-то секунду обрело от-

крытость и добродушие, которые так подкупали Франсуа в облике Ван дер Троста.

— Ах! Я рад, что вы начинаете понимать. Мой отец был храбрый человек. Он понимал, что он сообщник своего генерала, но он не одобрял грабежи.

— Он рассказывал вам о войне? — спросил адвокат.

— Никогда! Он ненавидел войну. После его смерти я нашел его персональный дневник. Персональный — я правильно сказал?

— Личный.

— Вот именно, личный. Это очень волнительно... там столько высоких мыслей.

— И из этого дневника, — перебил его адвокат, — вы узнали о бункере, в котором хранятся сокровища?

— Так, так! И тогда я решил, что это сокровище всеми забыто, а это жаль.

— Вы могли рассказать правду, — возразил мэтр Робьон, — и тогда произведения искусства вернулись бы к своим хозяевам.

— Через двадцать пять лет? — произнес немец голосом, полным сомнения.

— А почему нет?

— И я должен признаться, что мой отец был участник грабежей?

Рука Ван дер Троста, державшая сигару, дрожала от волнения.

— Хорошо, — сказал мэтр Робьон, — не будем больше обсуждать эту тему. И что дальше?

— Я произвел первая разведка. Я посетил в Бресте нотариуса и узнал, что замок продается. Очень жаль, я не могу его купить, но я понял, как этот факт можно использовать. И тогда я решил стать Ван дер Тростом. Я купил «бентли», нашел двух помощников, Генриха и Карла, и снял

виллу «Чайки». Сначала я думал, что все не будет трудно, но затем понял, что будут проблемы. Например, чтобы попасть в часовню, надо было пройти близко-близко от той части замка, где находятся ваши привратники.

— Это не привратники,— перебил его адвокат,— это наши друзья.

Немец ошарашенно посмотрел на него. Замечание адвоката, видимо, не совпадало с его представлениями об иерархии в старинных поместьях.

— Ладно, так! Там нас можно замечать днем и ночью. Мадам никогда не выходит из замков, и мсье тоже здесь почти постоянно. Выход через алтарь очень узкий, и вынос предметов из бункера — долгая, трудная работа. Мы должны были делать ее все трое. Один стоит внизу и передает предметы второму. Второй передает третьему, который относит все в машину. Как это можно делать незамеченно?

— Иначе говоря,— вставил мэтр Робьон,— ваша задача была заставить обитателей южного крыла замка перейти в северное крыло, откуда они уже не увидят ни часовню, ни изгородь.

— Вот именно! — подтвердил немец тоном человека, который рад, что его наконец понимают. Эта проблема меня долго занимала. Тут нельзя было действовать силой. Нет. Я не из этих... ну... на букву «п»...

— Проходимцев?

— Именно. Я не прохожимец! Совсем нет! Я был...

И он с силой сцепил руки.

— Связаны?

— Йа, данке шён. Когда я волнуюсь, я забываю французские слова. К счастью, в один прекрасный день я встретился с Жан-Марком. Он вам рассказал. Лошадь-призрак — это открытый путь к часовне.

— Как вы все это делали? — спросил адвокат.

— Ну, так: сначала Жан-Марк уводит своих родителей в северное крыло, чтобы ждать лошадь. Чуть раньше чем в полночь мы приходим на территорию замка. Я сделал второй ключ. Свою машину я ставлю за изгородью, и мы спускаемся в подземелье. В нужный момент я прихожу сюда и включаю магнитофон. И мы начинаем работать. Мы делаем четыре или пять поездок на машине. Мы надеемся делать все за неделю. Я уговорил Жан-Марка повторять пробы несколько ночей. Для него это... как большой успех, вы понимаете, что я хочу сказать? Я приготовил несколько пленок. Эффект был потрясающий. Жан-Марк, он большой молодец, сделал систему автоматической передачи звука с один микрофон на другой. Вы чувствовали качество этой работы?

— А раненый? — спросил мэтр Робьон.

— Раненый? Это было так. Карлу была поручена работа в бункере. От того, что он там увидел, у него было... головокружение, и один раз ночью он украл золотую лошадку. Но Генрих это заметил. Они подрались. Меня, очень жаль, там не было. Генрих ударил Карла по голове, и Карл упал. Генрих боялся и побежал за мной. Но когда мы с ним вернулись в бункер, Карл там уже не был. Рисковать мы не могли и поэтому не стали его искать. Мы уехали на машине. А утром Карл вернулся. Он был очень больной, не мог стоять. Другого выхода, как вернуться к нам, у него не было, так как он не имел ни документов, ни денег.

Без Козыря повернулся к Жан-Марку.

— Так, значит, это ты его отпустил?

— У меня тоже не было выбора, — вздохнул Жан-Марк. — Только в эту ночь я начал подозревать, что дело нечисто. Я боялся, что меня заподозрят в сообщничестве...

— А телефон, который якобы не работал? А авария с машиной? Все твоя работа? А след копыта на простыне — это что, для красоты, что ли?

Жан-Марк совсем сник.

— Да,— признался он,— это все я сделал. Я боялся, что полицейские появятся здесь... слишком рано. Я надеялся сам попросить господина Ван дер Троста объяснить мне, что происходит...

— Господина Шварца,— уточнил немец.

— Теперь я понимаю, зачем господин Шварц приезжал сюда на следующее утро и фотографировал все вокруг,— проговорил Без Козыря.

— Я пришел на разведку,— кивнул Шварц.— Может быть, Карл что-нибудь сказать во сне. Я решил посмотреть на господин Франсуа: может быть, он что-нибудь догадался. Это была честная война.

— Честных войн не бывает! — резко оборвал его мэтр Робьон.

— Извините.— Шварц осекся.

— Подведем итог,— снова начал адвокат.— По выходе отсюда вы будете задержаны жандармами. Но...— Он закурил новую сигарету.— Но я не подам на вас жалобу. Вы оказали нам услугу, сами не подозревая об этом. Ведь если бы не вы, мы бы так и не узнали о сокровище. А теперь наша семья наконец вернет себе то, что принадлежит ей по праву. Кермол не будет продан. И я счастлив, что стольким семьям будут возвращены сокровища, украденные у них во время войны... Господин Шварц, я вас больше не задерживаю.

Шварц щелкнул каблуками и чопорно поклонился.

— Жан-Марк, проводи господина до ворот, а то как бы он по ошибке не повернул не в ту сторону!

Шварц удалился с высоко поднятой головой. Жан-Марк следовал за ним, как побитая собака.

— Бедный мальчик,— вздохнула мадам Робьон.

— Мне стыдно за него,— тихо сказал Жауан.

Адвокат похлопал старика по плечу.

— Не надо принимать эту историю так близко к сердцу. Жан-Марк просто слишком доверчив. Он попал под влияние Ван дер Троста, но тот, к счастью, не успел нанести мальчику большого вреда.

— Но он нас обманывал! — Маргарита вытерла слезы.

— Он просто проявил слабость,— сказала мадам Робьон.— Я готова его простить. Пусть эта история послужит ему уроком.

— Я тоже так думаю,— согласился адвокат.— Не будем больше говорить об этом. Но, знаете, мне бы хотелось еще раз послушать лошадь-призрак, пока не пришли жандармы!

Он включил магнитофон, и лошадь тотчас же оказалась рядом с ними. Она подошла, легко переступая, ударила копытом, пофыркала, поржала, позвенела уздечкой...

— Невероятно! — воскликнул мэтр Робьон.— По-моему этот шедевр надо сохранить. Эта идея насчет представления «Звук и свет»... в ней что-то есть, надо над ней поработать. Ты подумал об этом, Франсуа, наш победитель? Решай!

— Это стало бы лучшим утешением для Жан-Марка,— весело ответил Без Козыря.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЙНА ЛОШАДИ-ПРИЗРАКА	3
ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА С КИНЖАЛОМ	125

Буало-Нарсежак

**ТАЙНА
ЧЕЛОВЕКА
С КИНЖАЛОМ**

Редактор *Л. Аронова*

Технические редакторы *Л. Самсонова, Л. Фирсова*

Корректоры *Ж. Бендерская, А. Лазуткина*

ЛР № 063742 от 13.12.94. Сдано в набор 27.06.95. Подписано в печать 10.10.95.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура таймс. Печать высокая. Усл.
печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 11,36. Тираж 35 000 экз. Заказ № 843. С 23.

ТОО «Коллекция «Совершенно секретно».
109004, Москва, ул. Земляной вал, д. 64, кор. 1.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Комитета Российской Федерации по печати. 170040,
Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Он резко вскочил, кинулся
к двери в гостиную — и вскрикнул.
Картина исчезла! Окно в сад
было открыто; ночной ветерок
шевелил драпировки.
Высокий силуэт мгновенно
растворился во тьме.
Франсуа едва успел
разглядеть его
красный плащ.
Человек с кинжалом
сбежал.

